

Томаш Кенч

Шаг сквозь тень

Томаш Кенч

Шаг сквозь тень

«Издательские решения»

Кенч Т.

Шаг сквозь тень / Т. Кенч — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749074-4

Дело, за которое берутся Майкл Галлахер и Бадди Дэйруин — частные детективы из Лос-Анджелеса, — не из легких. Таинственная смерть Элизы Лам на крыше отеля «Сесиль» находит на страницах книги свое продолжение. Запутанная история, в которой автор интерпретирует природу Лос-Анджелеса, превращая его в место бесконечного кафкианского кошмара.

ISBN 978-5-44-749074-4

© Кенч Т.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава первая. Отель Сесиль	7
Глава вторая. Погребенная под водой	12
Глава третья. Девочка Лас-Ночес	20
Глава четвертая. Бритва Оккама	25
Глава пятая. Мадам Вонг	29
Глава шестая. Protege Moi	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Шаг сквозь тень

Томаш Кенч

Основано на реальных событиях. Из уважения к погибшим их имена не были изменены

© Томаш Кенч, 2016

© Дарья Грачева, дизайн обложки, 2016

Редактор Максим Кривонос

Корректор Светлана Двоянова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Эта книга, в большей степени оформленная как повесть, впитывает в себя множество статей и мыслей, почерпнутых мною из разнообразных интернет-источников. Во время работы над ней я использовал такое огромное их количество, что сейчас составить подробный их список уже не представляется возможным, главным образом из-за моего нежелания обидеть кого-нибудь тем, что он в этом списке не будет упомянут. Да и вряд ли кто-то обрадуется такому списку, в котором один из двенадцати библейских пророков должен стоять в одном ряду с Шевченко и Ульяновым, пользователями [битая ссылка] 2.ch или редакторами wikipedia. И дело даже не в том, что кому-то из них я отдаю или не отдаю предпочтение, а в том, что сама форма такого списка кажется мне некорректной. Так что, можно сказать, я выступаю в роли не то что бы автора, а скорее составителя, собирателя пазлов этой загадочной истории, пытающегося придать ей общий, законченный вид. Хочу выразить огромную благодарность тем энтузиастам, которые находясь за тысячи километров от Лос-Анджелеса, принимали активное участие в расследовании этого инцидента. Ваш вклад бесценен.

Однако, не кривя душой, хочу сразу сказать, что самый весомый вклад в построении нарратива данной истории принадлежит пользователям voyager1970 и BoloYeung, активно развивающим эту тему в топике посвященном убийству на сайте [битая ссылка] 2.ch, и сайту ([битая ссылка] <http://www.murders.ru/>)

– Ô douleur! ô douleur! Le Temps mange la vie,
Et l'obscur Ennemi qui nous ronge le coeur
Du sang que nous perdons croît et se fortifie!¹

Charles Baudelaire

¹ Время точит наш дух, и мы стонем от боли, а невидимый Враг всем мольбам вопреки. Жрёт и жрёт нашу плоть, свирепея всё боле. – Шарль Бодлер

Глава первая. Отель Сесиль

Уже немало времени прошло с тех пор, как все, что случилось со мной в Лос-Анджелесе в середине 2013-го, перестало для меня существовать. Как вдруг в одном из номеров придорожного мотеля, недалеко от 110-го шоссе, куда я прибыл на вечерней заре, я нашел бутылку джина «Бомбей Сапфир», забытую здесь кем-то из прежних постояльцев. Я не мог заснуть. Был уставшим и удрученным очередным пустым вечером, не сулящим мне ничего, кроме одиночества, и мыслей о том, что завтра будет точно такой же пустой день. Я машинально поднес горлышко бутылки к губам, и в тот же самый миг, когда горькие капли джина коснулись моих губ, я вздрогнул и почувствовал, что со мной творится что-то необычное. На меня снизошла тоска такой глубокой и мощной силы, что ноги мои подкосились, и мне пришлось сесть на хлипкий раскладной стул с мягкими алюминиевыми ножками. Я почувствовал предательскую иллюзорность собственной жизни, столь схожую с ощущением утраты. Я знал, что чувства эти связаны со вкусом джина. Он оставил на моих губах далекий хвойный привкус. Интерес, разбавленный страхом, заставил меня сделать второй глоток, затем третий, и я с облегчением почувствовал что сила напитка убывает. Стало ясно, что ответы, которые я ищу, не в джине, а во мне. Он лишь напомнил мне о вопросах, и единственное, что он может, так это снова и снова об этом повторять, все с меньшей уверенностью, до того момента, пока дно бутылки не высохнет. А память моя все отбрасывает меня в те дни, когда я впервые ощутил на губах этот резкий вкус, словно вкус поцелуя, который ты и не ждал.

Вернувшись из темноты памяти, сила эта заставила меня метаться в поисках ответа или хотя бы того, что могло бы послужить анестезией этому чувству, чтобы потом забыть о нем и запереть глубже, в темницу собственной души. Вкус «Сапфира» был у меня на губах в те недолгие дни, когда я был счастлив, и именно поэтому теперь он терзает мой дух и мою плоть. Разум мой, впавший в дремоту, теперь был возвращен в сознание, и джин шептал ему, что после смерти людей, после разрушения ничего не останется из минувшего, – лишь только запах и вкус, более хрупкие, но и более долговечные сущности, которые еще долго живут на развалинах прошлого, напоминают о себе и несут в своих почти неощутимых каплях вулканическую силу воспоминаний.

Можно быть одиноким где угодно.

Можно быть одиноким в Дублине или в Лондоне, в Чикаго или Детройте, в Париже или в Вене. И уж, конечно, можно быть одиноким в Лос-Анджелесе. Для одиночества в этом городе есть расширенные опции, словно в дорогом отеле. И, если вдуматься, Лос-Анджелес и есть один огромный отель. Со своими постояльцами и гувернантками. Номерами и подвалами. Со своими историями, счастливыми и не очень.

А что касается одиночества – если в тебя проникла эта зараза, будь уверен, тебе не спастись. Можешь сколько угодно слоняться по Сансет-стрип, словно сомнамбула, зомби, жаждущие развлечений в ночь пятницы. Утром ты встанешь в комнате, теплой от перегара и дневного света, и снова почувствуешь, как у горла стоит тот самый, хорошо знакомый тебе привкус. Стоило ли так нажираться, приятель? Запах как от бродяги. Бежишь в душ, силясь как можно быстрее смыть с себя вчерашний день, трешь себя этим чертовым гелем для душа, но даже выходя чистым из душевой, ты все равно слышишь этот гадкий запах, морщишься, потому что понимаешь – так пахнет твоя жизнь.

Ребята из Лос-Анджелесского полицейского департамента, в частности «SWAT» – часть одного из самых известных и раскрученных органов правопорядка во всем мире. И нет никакого секрета в том, что такой популярностью они обязаны Голливуду.

Но, надо отдать им должное, в последние годы убийств в Лос-Анджелесе действительно стало меньше.

Еще недавно, в начале нулевых, в Лос-Анджелесе вспыхнула череда немотивированных убийств, жертвами которых становились люди, оказавшиеся на улице. Кто-то выходил из супермаркета и получал пулю в лоб, кто-то сидел с комиксом на стульчике перед домом, кто-то был застрелен прямо около своего авто. Все жертвы погибали от огнестрельных ранений. В основном жертвами были мужчины: тинейджеры, настоящие громы или старики, – по-разному. Поскольку ничего из имущества погибших не пропадало, полицейские сразу же заподозрили, что имеют дело с инициациями молодежных банд. Убийцы просто заезжали на машине в район, контролируемый враждебной бандитской группой, ездили по улицам, высматривая жертву, облаченную в одежду цвета неприятельской банды, и расстреливали её.

Как и любой мегаполис, Лос-Анджелес испытывает проблемы с организованной преступностью. Полиция предполагает, что в городе существует 250 банд общей численностью около 26 тысяч человек. Самые известные из них – это «Калеки», «Кровавые», «Мара», «18-я улица». Не случайно, что о Лос-Анджелесе говорят, как о «Столице Американских банд».

Но уже в конце нулевых властям города удалось свести убийства к минимуму: 314 убитых за год. Эта цифра была минимальной отметкой за предыдущие пятьдесят лет. Тем не менее, убийства все еще происходили. Порой банальные, порой трагические, порой шокирующие. Убивают своих жен и мужей, любовниц, врагов и даже детей. Выстрелом или голыми руками. Убийств так много, что случалось всякое.

Все дело в том, что пистолет – это соблазн. Из его дула то и дело доносятся зазывающие шепоты. И не важно, что причин для убийства нет, ствол все время попрошайничает и просит спустить курок. Кто из нас не смотрел на холодный блеск стали ножа для колки льда... Кто не был зачарован его прохладным спокойствием... Нож создан для того, чтобы резать плоть, а уже потом – все остальное. Потом уже тортики или текстиль. Если у тебя за поясом торчит ствол, где вероятность что он не выстрелит? Хотя бы в твои собственные яйца. Это лишь вопрос свободы, хотя о какой свободе вообще идет речь? Многие себе ни каких вопросов не ставят, а просто жмут на курок. Пиф-паф! Вот стрельба и стоит повсюду, от Южного Техаса до Северной Дакоты.

Мой начальник, а по совместительству мой дядя, – Майкл. Прожил в Лос-Анджелесе больше тридцати лет. Он перебрался сюда из Куинс, что в Нью-Йорке, еще до моего рождения, за несколько лет до того, как моя мамаша Нора (урожденная Беннетт), родом из городка Боулинг Грин – его сестра, сошлась с одним чудиком ирландцем, моим папашей Дойлом, и залетела. Так на свет появился я, Бадди Дэйруин. Уже двадцать семь лет я живу на белом свете, но я вам зуб даю, что если бы у меня под дулом пистолета выпытывали подробности всей моей жизни, едва бы набралась дюжина дней, о которых я мог вспомнить. Все дело в том, что я не помещаюсь в сутки; бывает встанешь, почишишь зубы и выпьешь чашку кофе, смотришь на часы – полдень. Настоящее проклятье. И если учесть, что я здоров как бык и у врача-то бывал всего дважды, и то по пустякам, можно сказать, что ускоренный ход времени – это единственная моя болезнь, приобретающая хроническую форму. Но жаловаться я не стану, ведь в жизни есть вещи и похуже.

Несколько лет назад моего дядю стали с ног до головы покрывать красные пятна, которые зудели и не давали ему покоя. Я не помню, как называется эта дрянь: какой-то дерматит или что-то вроде этого. Из-за нее Майкл становился похож на черта, все время красный, ужасно вспыльчивый; в ушах и за ними – белые сухие струпья, словно засохшая мыльная пена; он все сидит да скребет свои ноги, царапая брюки, а ногти издают довольно гадкий звук, будто древоточец жук подтачивает ножку стула. Лицо Майкла все пунцовое от выпивки и вообще... Я испытывал к нему одновременно и сострадание и брезгливое чувство.

Дела в последние годы идут ни шатко ни валко... Да что душой кривить, мы с Майклом едва сводим концы с концами. Я не лезу в денежные дела Майкла, знаю только, что они из рук вон плохи. Дядя открыл частное сыскное агенство еще в конце 80-х. На частных детективов всем было плевать уже лет двадцать как – всем кроме Майкла, ведь во всяком деле есть идеалисты. Когда дядя открывал его, он наверняка воображал себя кем-то вроде Сэма Спэйда или Марка МакФерсона, не представляя того, что он четверть века будет искать убежавших от жены к любовнице, кроликов или ворованных собак. Бедный старый Майкл. Когда я решил во что бы то ни стало уехать из Нью-Йорка, я первым делом позвонил дяде. Меня на это надумила моя мамаша, глядя на то, как мы с отцом собачимся. Изо дня в день. Мамашу это стильно угнетало, потому что она любила нас обоих. Она дала мне телефон дяди. Долго старика уговаривать не пришлось. Характера он конечно был скверного, еще до своих проблем с кожей, но всё же было в нем что-то и хорошее. Он долго слушал мои бредни на том конце провода, а затем возьми да и скажи: «Валяй, Бадди. Можешь приезжать, найдется тебе местечко».

Настоящее дело с тех пор как я здесь поселился у нас было всего однажды, и то все закончилось как анекдот. Это был частный заказ одного человека из мэрии. Под старость воображение его не на шутку разыгралось. Ему казалось, что жена, молоденькая пигалица лет тридцати, крутит за его спиной роман с его помощником. Ему даже мерещилось, будто они хотят его отравить. Стеклом... Или что-то вроде этого. Поехал старик, одним словом, свихнулся. Нам с Майклом удалось здорово пожить за его счет. Конечно, на месте мы не сидели. Пришлось последить за заговорщиками недельку-другую. А закончилось все тем, что я застукал его помощника в койке со здоровенным бородатым барменом из «Ла-скала». Малыш оказался педиком, другом этой пигалицы. Оказалось, что они только и делали, что днями бегали по магазинам в Беверли-Хиллз, на «тропе стиля». «Эрмес», «Гуччи», «Том Форд». Кутили как следует на папашины деньги. Если бы они узнали, в чем их подозревают, наверняка долго смеялись, животы бы надорвали. Впрочем, Майкл сам здорово повеселился; такого финала никто не ожидал. Но мы получили свой гонорар, как и положено. И на этом история завершилась. Потом была долгая череда историй с ворованными собаками, потому что их крадут куда чаще, чем кого-либо. Маленькие кудрявые Мальтипу, вечно прыгающие Шиб-ину. У меня от этих собак чуть крыша не поехала. Стоны, слезы, истерики. «Верните мне мою Джессику! Найдите этих мерзавцев! Можете их даже убить! Сжечь их живьем! Бедная малышка Джесс!» Вообще, прохладная история. Все вдруг стали чертовски чувствительными. О чем бы ни зашла речь. Сантименты мозг жрут, как черви. Лучше быть поосторожнее с этим дерьмом.

Потом и собак воровать перестали, уже полгода как мы сидим без дела в нашей конторе. Небольшой офис с отдельным входом, в самом сердце Сенчури Сити. Городок очень маленький, всего десять на пятнадцать кварталов, но тем не менее может позволить себе фешенебельный деловой центр. Дело в том, что здесь по-прежнему базируется «20 Век Фокс». Именно эта компания сняла «Аватар». Этот проект до сих пор является самым успешным и дорогим, хотя и прошло не так мало времени. Я сказал проект, потому что эту дрянь фильмом назвать у меня язык не поворачивается.

Но были и проблемы, связанные с этим роскошным местечком – это парковки. Порой приедешь в Сенчури утром и полчаса ищешь, куда бы воткнуть машину. И еще музыканты, с утра до ночи терзающие саксофон где-то в двух-трех стенках от нас. Какого черта для своих

репетиций им понадобилась комната в самом центре Сенчури? Боюсь, даже сам Зигмунд Фрейд не нашел бы на это ответа. «Уныние под звуки джаза». Так все это можно было бы назвать. Да, пожалуй, именно так.

У Майкла очень много знакомых, гораздо больше, чем денег. Благодаря им ему и удалось выбить здесь место за небольшую плату. Приходим мы сюда каждое утро, как и положено. День за днем между нами нарастает напряжение, а по кабинету словно раскинуты оголенные электрические провода. Майкл все чаще поглядывает на меня искоса, словно хочет сказать что-то и не говорит. Каждый божий день мы приходим в нашу конуру и сидим в ней до вечера. Ни врагов, ни друзей, ни знакомых. Но сегодня с дядей словно что-то произошло, – он все утро на взводе, елозит задницей в своем стареньком кресле; иногда от приступов зуда его подбрасывает. Но тут дело обстояло иначе.

Вечером, во вторник 19 февраля, когда все офисные клерки Сенчури Сити уже разъехались по домам, и на проспекте, который при желании можно было увидеть из нашего окна, практически не было машин, а окутавшую наш офис тишину разряжали только редкие гудки, сирена или рокот полицейского вертолета, Майкл вдруг прервал обычное для себя молчание.

– Мне звонила одна моя знакомая из Силвер Лейк. Слышал что-нибудь про отель «Сесиль»? – Майкл посмотрел за окно на идущий дождь.

– Нет, не уверен, – ответил я.

– Отель «Сесиль» – это чертова кроличья нора, мальчик, черное лоно города, из которого на свет вылазят настоящие исчадия ада. Когда я был примерно твоего возраста, в городе орудовал Ричард Рамирес, серийный маньяк, которого копы прозвали Найтсталкер; лучше бы они этого не делали, не подстегивали его. Все маньяки, убийцы, насильники просто тащатся от известности. Им от этого крышу сносит. Найтсталкер! Подумать только. Он насиловал детей и забивал до смерти стариков, шестилетних девочек, старух, не жалел никого. Рамирес был прирожденным головорезом. Богатые, бедные, – этому парню было без разницы. В мозгах у него что-то заклинило, и он превратился в бешеную собаку. Рисовал пентаграммы на трупах женщин, губной помадой прямо на их бедрах, твою-то мать. Настоящий цербер. Клянусь сынок, в 85-м, в Лос-Анджелесе, по ночам никто не смыкал глаз. Так вот, Рамирес жил в этом отеле и в нем же укокошил двоих. Но это далеко не все, мальчик. Джек Унтервегер, по прозвищу «Венский душитель». Знаешь как его еще называли? «Джек-поэт»! Охренеть можно. До чего люди любят все опошлять. Черт их всех дерьма! «Джек-поэт»! Драный кусок дерьма! Убийца и маньяк! Поэт – это Блейк, или Йейтс. Никак не эта сволочь, Унтервегер. Одним словом, всех их, маньяков и педофилов, самоубийц, неудачников и лунатиков, притягивает это место, этот чертов отель.

– И что сказала эта женщина? – Признаюсь, от рассказа старика мне стало немного не по себе.

– Не важно. У нас, кажется, есть работенка, пацан. Несколько дней назад, во вторник, в этом отеле нашли труп девчонки, Элизы Лам. Ее тело находилось в стоящем на крыше резервуаре с водой. Девочке недавно исполнился двадцать один год, практически подросток. Одному богу известно, как ее угораздило поселиться в этом жутком отеле.

– Так что, – спросил я откинувшись на своем стуле, – выходит, мы снова востребованы? Майкл взглянул на меня так, словно я казался ему непроходимым идиотом.

– В стенах гостиницы произошло множество других ужасных смертей, в том числе изнасилование и убийство телефонистки в 1964, по меньшей мере три суицида. Все самоубийцы прыгали с высоты, а один из них приземлился на прохожего, тем самым убив и его.

– Ничего себе, отельчик.

– Я позвонил своему приятелю из полиции; ты наверняка видел этого парня, он носит такие дурацкие тонкие усы, как у Билли Бланко. Сержант Симон Гутьеррес. Дело в том, ска-

зал он мне, резервуар с водой, как будто, был закрыт изнутри. И дело скорее всего спишут на суицид.

Я смотрел на фотографию погибшей девушки, высветившуюся на экране моего ноутбука. Миловидная черноволосая китайка, с тонкими, едва заметными бровями, высоким лбом, широкой улыбкой и очками в черной оправе. Внешность очень приятная и располагающая. Приглядевшись, я заметил какую-то странность в ее улыбке, словно в ней чего-то не хватало, чего-то очень важного.

Все, что мне удалось узнать, – это то, что Лам была канадкой. Предыдущие три года она училась в Университете Британской Колумбии в Ванкувере, но из-за депрессии пропустила большую часть занятий. Поездка в Калифорнию должна была отвлечь её, она давно планировала её и называла «своим ураганным приключением». Родителям Элизы, иммигрантам из Гонконга, эта затея была не по душе, но дочь настаивала на том, чтобы поехать в одиночку. Она передвигалась на поездах и автобусах и каждый день выкладывала фотографии своего путешествия на странице в Фейсбук. В Сан-Диего она посетила зоопарк и джаз-бар, где потеряла «Блекберри», который одолжила у подруги. В Лос-Анджелесе она пошла на съёмки телешоу Конана О’Брайена, а после отправилась на прогулку по городу.

Майкл стоял у окна и курил сигарету, дым от которой клубился, зависая в воздухе. Погода была пасмурной, тусклый дневной свет тонкими бритвами разрезал жалюзи на окнах и ложился на дощатый пол длинными бледными полосками. Пахло табаком. Я смотрел в глаза Майкла и видел, как из их уголков, прямо к зрачкам наползает желтая пелена. Отвратительная, словно скользкая гусеница. Это были глаза пьяницы. Глаза моего дяди. Единственного близкого мне человека. Во всем многообразном великолепии города, от залитого солнцем океана до гор Сан Фернандо, я был нужен только здесь, в этом пропахшем старостью, табаком и потом кабинете. С пепельницами, набитыми окурками, лязгающими настенными часами и дурацкими изображениями ружей над его столом. Выходит, это и есть мое место, в этом пестром мире, где я хоть к чему-то близок.

– Ты все в облаках летаешь, Бадди? Ты понял то, что я тебе сказал? – Майкл докурил свою сигарету и без лишних церемоний вышвырнул непогашенный окурочек из окна напрямиком на тротуар, громко лязгнув окном.

– Да нет же, Майкл. Я все понял. Просто это все немного странно, и я...

– Поедешь в этот отель, «Сесиль», скажешь, что от Симона Гутьерреса, воспользуешься неразберихой. Проникнешь внутрь и сам все осмотришь. Ты должен попасть на крышу; баки уже наверняка осушили, посмотри крепления и все там изучи. Могла ли и вправду девчонка сама себя закрыть изнутри. Посмотри крепления снаружи. Одним словом, работай, мальчик. Зайди в соседние лавки, мелкие магазинчики. Поговори с продавцами, они всегда все запоминуют. Может, ее кто-то видел, может, она покупала что-то. Ты все понял?

Я кивнул.

– Да, Майкл, все ясно. Я все разужнаю, можешь не переживать. – Препираться с дядей было бессмысленно, когда он говорил таким тоном, как сейчас – спокойным, размеренным, чеканя каждое слово.

– А то как же. Я уж весь издергался. Дуй давай, мне тоже бежать надо, не буду же я здесь штаны просиживать.

Я встал и снял со стула свою штормовку, еще раз взглянул на дядю. На его лице застыло нетерпение. Когда я положил ладонь на дверную ручку, в миге до того как на нее надавил, я услышал знакомый звук, – так свинчивается алюминиевая пробка со стеклянной бутылки.

Глава вторая. Погребенная под водой

В середине февраля начались дожди. Обильные и избыточные, как и все в Калифорнии.

Я взял машину Майкла, припаркованную возле офиса. Он давненько на ней не ездит, по понятным причинам. Хорошо хоть не жметесь и дает мне ключи. Не представляю, как бы я шел под таким ливнем.

«Альфа Ромео 166», серебристый металлик, не самый незаметный автомобиль, даже для Лос-Анджелеса. Все же у старика есть чувство стиля. Автомобиль не дорогой, но сделан со вкусом, перфорированная бежевая кожа, удобные спортивные сиденья и деревянный руль. Ума не приложу, как Майкла угораздило купить эту машину, но я к ней прикипел сразу же, – она похожа на женщину.

Отель «Сесиль» находится в сердце города. Это Даунтаун. На всех путеводных картах слово «Лос-Анджелес» написано поверх именно этого района. Офисных зданий здесь настолько много и они натканы так близко друг к другу, что некоторые подземные паркинги находятся прямо под кладбищами. Задержался на работе, садишься в свое авто и понимаешь, что там, над тобой, лежат покойники. А если даже покойники лежат выше тебя, то где же тогда ты? Зная это, не трудно поверить, что в центре города находится такое зловещее место, как этот отель. Я с трудом припарковал машину напротив входа, на большой парковке, сплошь заставленной автомобилями; втиснул ее между новенькой черной «Акурой» и «Доджем», не мытым уже очень давно. В «Додже» кто-то сидел; за залитым дождем тонированным стеклом я заметил уголек сигареты. Я открыл дверцу и вышел под дождь, затем прошелся вокруг отеля.

Сам он состоял из трех узких зданий, соединенных перемильками; у каждого из зданий была своя пожарная лестница. Скорее всего, девочка попала наверх именно по ней. Здания отеля расположены так близко друг к другу, что если окна твоего номера выходят на внутреннюю сторону и ты не задернешь шторы, маньяк, живущий напротив, сможет рассмотреть даже цвет твоих глаз. Может, когда-то «Сесиль» и был хорошим отелем, но сейчас все вокруг свидетельствовало о безусловном упадке. Обветшалая гостиница, окруженная лавчонками торговцев. На самом верху выгоревшая на солнце надпись: «Отель Сесиль. Дешево. Ежедневно. Ежедневно. 700 комнат». Я шел, задрал голову вверх и вдруг споткнулся. Лучше бы я под ноги глядел! В спешке я со всего маху врезал в бордюр большим пальцем ноги. Нога отозвалась болью до самого колена. Какого черта меня вообще занесло на задворки?

Я здорово промок, пока шатался вокруг отеля, и когда вошел внутрь, с меня буквально ручьем лилась вода. На первый взгляд вестибюль отеля выглядел роскошно. С трёхметрового потолка над полированным мраморным полом свисают люстры в стиле арт-деко, а медные декоративные элементы и фальшивые античные скульптуры украшают стены. Я прошел вглубь к стойке ресепшена.

Я думал, что мне там станет жутко, учитывая все извращённые истории, связанные с гостиницей. Но даже несмотря на проливной дождь за стенами отеля, атмосфера в фойе больше напоминала о бельгийских туристах, чем о серийных убийцах. Он просто немного обветшал. В нём полно людей, похожих на Элизу, молодых, активных, недавно прибывших из разных мест.

– Чем могу помочь, мистер?

Администраторша была недурна собой, на вид филиппинка или что-то вроде того. Признаться, я совсем позабыл про полицейского, я даже не помнил его имени, Гутьеррес... Я начал импровизировать. Это я всегда умел. Филиппинка стояла прямо за стойкой ресепшена и премило мне улыбалась. Хорошенькая молодая девушка, хотя мне показалось что в ее вымученной улыбке застыл испуг; видимо, здесь всех здорово лихорадило.

– Департамент общественного здравоохранения. Я приехал чуть раньше своих ребят, мисс. Необходимо провести экспертизу воды. Мы хотим узнать, не представляла ли она угрозы для тех, кто ее принимал. Скажите, как мне попасть на крышу?

Она оторвала от меня свой вежливый и внимательный взгляд и позвонила по телефону. Спустя несколько минут к нам подошел парнишка, возраста чуть старше моего. На нем был идеально подогнанный костюм темно-синего цвета с отстегнутой нижней пуговицей, белая без галстука рубашка и блестящие коричневые туфли. У него были черные густые волосы, постриженные на современный манер, с коротким затылком и удлиненные в челке и на макушке. Высокий и довольно стройный, по телосложению он скорее напоминал легкоатлета.

Модник, решил я, глядя на то, как аккуратно, вылезая из рукава пиджака ровно на полдюйма, белеет манжета его рубашки.

– Этот человек... – девушка слегка замялась.

– Тейлор! – резко вставил я.

Филиппинка бегло глянула на меня и улыбнулась.

– Он хочет, чтобы ты проводил его на крышу; он из департамента здравоохранения.

Мы потрепались еще несколько минут и пошли к лифту. Спортсмен молчал. А я смотрел, как дно лифта становится мокрым от стекающей с меня влаги. Внутри лифт был серебряным, хотя по какой-то причине я представлял его себе золотым, а цифры на кнопках почти стёрлись.

– Как вы думаете, девочка попала на крышу на лифте?

Он вдруг взглянул на меня так, будто понял, о чем я думаю, а я похолодел и в ледяном блеске его водянистых глаз вдруг почувствовал себя подростком.

– Не знаю, ключи есть только у сотрудников отеля, а двери выхода на крышу всегда заперты.

При ближайшем рассмотрении он оказался не таким уж и молодым. Ему было лет сорок, может чуть больше, хотя на ресепшене, из-за слегка испытующего взгляда и этой мальчишеской ухмылки, я принял его за своего ровесника.

Несмотря на свои 700 номеров, гостиница казалась необыкновенно пустой. На верхних этажах в «Сесиль» было особенно тихо. На четырнадцатом этаже в коридоре с бордовыми стенами и белым потолком через небольшие динамики раздавался громкий голос проповедника с религиозной радиостанции. Я замер, прислушиваясь к звукам, доносящимся из номеров постояльцев, пытаюсь услышать хоть что-нибудь, шум пылесоса или телевизора, но слышен было только голос проповедника.

Мы поднялись по лестнице между 14 и 15 этажами. В южной части этажа короткая лестница вела к двери на крышу, на которой теперь написано, что она заперта и находится под сигнализацией. Знак предупреждал, что ведётся видеонаблюдение, что «нарушителей арестуют», что здесь есть «риск получить серьёзную травму или умереть».

Выйдя на крышу, мы прошли к резервуарам. Четыре огромных цистерны. Их осушили сразу после того, как нашли труп. Я залез на одну из них, едва не поскользнувшись. На каждой из цистерн была квадратная крышка с металлическим засовом. Открывалась она нелегко, но при желании мы могли бы ее открыть. И хоть убей, я не мог поверить, что кто-то в здравом уме может запрыгнуть в такую цистерну и заживо себя в ней похоронить. У меня от этого мурашки по коже. Необходимо было во всем разобраться. На одной из цистерн, – той, в которой нашли труп, был вырезан квадрат. Через него извлекли тело. Я спустился и подошел к парапету, посмотрел на проезжую часть. В здании четырнадцать этажей, лететь вниз чуть больше секунды. Вздумай девочка свести с собой счеты, почему не прыгнуть с крыши? Зачем залазить в эту жуткую бочку?

В фойе отеля я заметил дверь с загадочной металлической табличкой. «Агенство Невидимый свет». Что-то меня привлекло в этой надписи и я решил подойти к двери и попытаться ее открыть, но она была заперта. Что думают о смерти девочки в агенстве невидимого света?...

Вокруг отеля была целая сотня лавок. Парикмахерские и мелкие закулочные, продавцы бижутерии. Но в основном, конечно, одежда. Район со скидками. Лавки с выставленными на улицу манекенами. «Фабрика – Золотой город», десятки одетых в легинсы ног. «Итальянский текстиль», безголовые манекены в дешевых костюмах. Искать здесь того, кто мог видеть Элизу, было все равно, что искать иголку в стоге сена. Но я все же решил попробовать. И, как оказалось, не зря.

Я недоумевал, как молодая девчонка могла остановиться в таком месте; она не могла не заметить старые ларьки, привязанные к фонарным столбам навесы из брезента и бездомных, завалившихся спать на картонные подстилки. Этот участок города, славящийся своей злачностью, стал домом для опустившихся наркоманов и обездоленных горожан. В полиции этот район называют «зоной локализации» бездомных, а на картах он помечен как городские трущобы, сердцем которых является Мэйн-стрит.

Район то и дело прочесывали полицейские, которые записывали номера припаркованных автомобилей. Медленно, словно улитки, они кочевали по соседним улицам. К тому же местные жители уже были в курсе событий, оповещены через радио и интернет.

– Бог обитает в крови, – говорит мне местная черная сплетница. Она указывает мне на пластиковое распятие и спрашивает: «Поможет ли оно защититься от дьявола?»

Мы стоим у автобусной остановки, и она громко отхаркивает на асфальт, держа в руке пивную банку. Фонари выстроились вдоль тротуаров, образуя авансцену, и креста бродит по нему словно актриса на репетиции.

– Ты мою собачью латынь не понимаешь, да, Чарли? – спрашивает она меня. – И я понимаю, что нет надобности поправлять ее. – Да, да... не понимаешь, но все равно слушаешь, слушаешь, потому что тебе интересно, у тебя в голове что-то торкает и ты знаешь, что это может оказаться правдой, что ее забрал дьявол.

Болтуня пьет из банки, оттопырив мизинец, а выпив, облизывает свои толстые губы и смотрит на меня глазами, в которых блестит безумие.

– Как же, дьявол; шла бы ты отсюда, хабалка, – начинаю дразнить ее я.

– Я тут подумала. Мы с вами не подходим друг другу. По гороскопу, – говорит она и начинает пятиться. Уходя, она шепчет что-то себе под нос и размахивает руками.

Дальше больше. На углу 7-й и Юг-Мейн мне попался старичок в кожаных штанах и красной бандане. У него на плече красовалась громадная магнитола. Он утверждал, что убитая девушка была жертвой Господа из-за того, что в Лос-Анджелесе на президентских выборах 2008 года жители голосовали за черного президента. А у закулочной на 8-й улице,

один из бродяг стрельнул у меня четвертак и разразился долгой тирадой о том, что сейчас здесь слишком много китайцев и о том, что не стоит тревожить девчонку, которая давно уже в стране чудес.

– Зачем ты нас трогаешь? Люди не хотят нас видеть. Будешь шляться здесь, сам не заметишь, как окажешься таким же нищим. Не веришь? Тогда послушай. Мы сгорим в аду! Ясно тебе? Слышишь? Пожарная машина приближается!

– Волосы – это трава, – слышу я его голос. Он говорит так, словно произносит заклинание, практически шепотом. – Трава, которая растёт из людей. И Земля курит наши волосы. Ты не знал? Особые сорта, конечно. В основном, блондинов.

Сумасшедшим нужно говорить, и они говорят не задумываясь, так же непринужденно, как дышат воздухом, а я лишь пытаюсь уловить хоть что-то в океане случайных слов. Запах безумия растекается во все стороны, прямо из сердца города и, накрепко впитываясь в атмосферу, в людей, в мысли, кажется естественным и изначальным запахом свободы.

– Как, ты говоришь, она выглядела? Девчонка. Очкастая китайка? – спрашивает меня пьяница с пунцовым лицом. – Ну, тогда, может, спросишь о ней в газетном киоске?

Разумные отрицательные ответы были настолько же скучны, насколько неразумные – изобретательны, и я начинал чувствовать себя чужаком, забредшим на вечеринку с участием двинутых клоунов. Закончив к половине второго, я поплелся к машине, подумывая о том, что не мешало бы перекусить. Но неподалеку от парковки я увидел книжную лавку «Последняя книга», находящуюся прямо напротив отеля, и вспомнил резонные слова пьяницы.

Внутри – стенд с книжками, остатки старых тиражей. Такие книжки невозможно продать по отпускной цене. Поэтому цена – доллар. В городе, дышащем миллионами, цена в один доллар – это особый статус. Черная метка. Что можно найти в книге за доллар, кроме разочарования и уныния? Я не знаю... Элиза купила три.

Я заметил свой профиль в отражении витрин. Черно-белое изображение дрожало в слабых солнечных бликах. Надеюсь, на самом деле я не так бледен. На прилавках свалены дешевые сувениры, колоды карт, путеводители, брелоки.

Я подошел к продавщице, женщине средних лет, с уставшими глазами и сухими, потерявшими цвет, волосами, больше напоминавшими мне солому. Лицо почти детское, невыразительное, маленький рот и редкие зубы. Женщиной она оказалась любезной и общительной.

– Да сюда уже приходили двое полицейских, расспрашивали о ней. Я помню эту девочку. Она была здесь 31-го января и... знаете... кажется, вела себя слегка странно. Говоря это, она сортировала открытки и раскладывала их в небольшие картонные коробки.

– Странно? Что именно показалось вам странным?

Продавщица задумалась и начала скрести ногтем указательного пальца тарелку для мелочи, соскребая с нее сухие остатки налипшей жвачки.

– Она была как будто на взводе. Кричала: «Книги за доллар, надо брать». Что-то в этом духе. Махала руками, смеялась.

– Она была одна?

– Да, думаю что одна. По крайней мере, если с ней и был кто-то, то он к ней не приближался.

Я взял одну открытку. Это оказалась поминальная открытка с изображением скорбящей Марии Магдалены. Снизу была надпись: «Небеса примут усопших рабов божьих».

– А вы не можете вспомнить, много у нее было наличных при себе?

Я вернул ей открытку.

– Не знаю, думаю в районе сотни, – ответила она.

– И что же, купила что-нибудь?

– Да, три книги за доллар.

Выйдя из книжной лавки, я купил кофе и газету «Ла Таймс», затем вернулся в машину. Огляделся по сторонам. Ни одной, ни второй машины, стоявших рядом, уже не было. Я забыл взять сахар и вспомнил, что Майкл всегда оставляет лишние сахарные стики в бардачке. Я залез туда, разгребая хлам рукой; тут можно было найти все что угодно, начиная от потрепанного путеводителя Братьев Томсон, кучи музыкальных дисков, лежащих без коробок, которые положил сюда я, до жвачек и сигарет, сломанных карандашей; нашлась в нем и пара пакетиков с сахаром. Я не спеша выпил кофе и когда его оставалось примерно с треть, завел мотор.

Дождь лил не переставая. «Ну что же, для начала неплохо», – подумал я и решил вернуться в офис, немного покопаться в интернете. Через квартал я притормозил у светофора с загоревшимся перед моим носом красным и прочитал заголовок «Таймс» с фотографией резервуаров на крыше отеля.

«ТАИНСТВЕННАЯ ГИБЕЛЬ ТУРИСТКИ НА КРЫШЕ ОТЕЛЯ «СЕСИЛЬ».

Пока я ехал в Сенчури по залитым дождем улицам, в голове моей в такт щеткам стеклоочистителей стучали слова: «Самоубийство красивой молодой женщины», «маньяк-убийца», «отель Сесиль», «Элиза Лам». Когда я вернулся, контора была закрыта. Видимо, Майкл уехал. Я сел за стол и включил компьютер.

Из интернета я узнал, что следствие начали вести через несколько дней после того, как девчонка пропала. Четвертого февраля. Следствие инициировали родители Элизы. Оказывается, она ежедневно с ними созванивалась. Последний раз она позвонила родителям 31-го января. На следующий день отец пытался связаться с ней, позвонил в отель, в отеле ему сказали, что его дочка сняла комнату до 1-го февраля. После того, как продления оплаты за номер не поступило, они решили очистить комнату. А вещи Элизы находятся на сохранении у сотрудников отеля.

Родители, как и сама Элиза, – граждане Канады, проживающие в Ванкувере. Не получив внятного ответа от сотрудников отеля, они обратились в ближайшее отделение Королевской Канадской конной полиции. Так и закрутилась полицейская центрифуга. Всадники передали дело в руки парней из отдела розыска пропавших без вести полиции Лос-Анджелеса.

Копы прочесывали отель с собаками, но девчонку так и не нашли. Несмотря на оперативную работу, розыски не увенчались успехом, и копы решили слить журналистам видеозапись с лифта отеля, в котором Лам ехала 31-го числа. Конечно, журналисты раздули из этого целую сенсацию. Шум стоял повсюду. В итоге запись подняла большой шум в сети. Она мгновенно разошлось по Интернету. В США и Китае видео просмотрели более трёх миллионов раз, и за первые 10 дней оно собрало 40 000 комментариев. А девчонку, по иронии судьбы, нашли случайно. В некоторых номерах отеля, в кранах слабо текла вода. Водопроводчики, работающие на крыше, начали проверять цистерны с водой и нашли труп девочки в одном из резервуаров.

Все дело в том, что как и в большинстве других высотных зданий, в «Сесиль» используется система с подачей воды самотёком; на крыше здания установлены четыре резервуара. Туда первым делом и отправился подсобный рабочий, которому поручили разобраться с причиной жалоб утром 19 февраля.

Элиза Лам планировала провести в «Сесиль» четыре ночи и освободить номер тридцать первого января, чтобы отправиться дальше к следующему пункту назначения в её путешествии по западному побережью. Ни размер, ни захудалость гостиницы «Сесиль», казалось, не беспокоили её.

Вот что она написала в своём «Тумблере»:

«Отель построили в 1928 году, отсюда и стиль ар-деко. Так что он был первоклассным, но, как и многие здания в Лос-Анджелесе, обветшал. Базу Лурману стоило снимать „Великого Гэтсби“ здесь».

В Лос-Анджелесе полно ловушек. Когда низкое зимнее солнце смягчает весь городской ландшафт, можно не придать значения тому, что пятьдесят четвёртый квартал Лос-Анджелеса является одним из самых неблагополучных мест во всём городе.

К концу дня вернулся Майкл, насквозь промокший и пьяный. Он снял свою куртку и швырнул ее на кресло. Достал из кармана платок, начал вытирать им лицо и сморкаться, почти одновременно.

– Ты ездил в отель, сынок?

– Да. Мне удалось попасть на крышу. Все там действительно очень странно, Майкл. Девчонка никак не могла попасть на крышу сама, только если она вздумала забраться туда по пожарной лестнице. Для того, чтобы открыть дверь, ей нужен был чип. Но попасть на крышу по пожарной лестнице можно было беспрепятственно. Никаких люков ни у одной из трех лест-

ниц не было. Еще я порылся немного в интернете; кажется дело предано в отдел розыска пропавших без вести.

– Отдел расследования убийств. Я разговаривал с копами. Сейчас этим занимаются парни из убойного отдела. Они сработали на опережение. Все сейчас предполагают, что девчонку убили. И знаешь, кто ведет дело? Детектив Нейл и детектив Стейн. Это они раскрыли «дело Рэйчел», эти ребята – ветераны сыска.

– Зачем же тогда здесь мы?

Майкл нахмурился и посмотрел мне прямо в глаза.

– Знаешь, Бадди. Маленькие собаки не должны стесняться лаять только потому, что существуют большие собаки. Каждая собака должна лаять тем голосом, которым ее наградил Господь. И нам за это платят деньги. Так что...

– В этом отеле есть некое странное агенство «Невидимый свет». Я пытался зайти на их сайт в интернете, но там ничего нет, кроме названия и их логотипа.

– Попробую узнать через своих ребят. Вокруг этого дела сейчас слишком много шумихи, Бадди. Гражданка Канады, родом из Китая, убита в Лос-Анджелесе. Для журналюг это настоящий лакомый кусочек. Но нам нужно оставаться в тени, быть незаметными.

– Как думаешь, Майкл, ее действительно убили?

Майкл задумался, засунул ладонь в ворот рубашки и расслабил стягивающий горло галстук.

– Надо, конечно, ждать результатов вскрытия... Но люди из убойного отдела рассказали мне о найденных вещах Элизы. Шорты, майка, трусики, жакет, сандалии, ключи и карточка отеля. На всех фотографиях она в очках с довольно большой диоптрией. Но в баке их не нашли.

– Она могла их выкинуть.

– Зачем?

– Мне кажется, так проще покончить с собой, проще сигануть в этот чертов бак с водой, если ты ничего не видишь. Она просто могла их скинуть с крыши.

– Может и так, Бадди, может и так. Но мне не верится, что девчонка сама туда залезла. Что-то здесь не сходится. Я думаю что они могли послужить чем-то вроде трофея, который убийца прихватил с собой.

– Я тоже не верю в самоубийство, Майкл. Стоя на крыше, я понял, что спрыгнуть с нее было бы гораздо легче, чем очутиться в резервуаре.

Рука Майкла непроизвольно поползла к внутреннему карману пиджака, но он опомнился и тут же себя одернул. Кинул косой взгляд, чтобы увидеть, заметил ли это я, и понял, что заметил. Где-то за стенкой играл саксофон, тянул длинную минорную ноту. Я встал и потянулся, вдруг ощутив сильный голод.

– Иди домой, Бадди. Отдохни. Завтра продолжим. Я хочу побыть один, слишком много всего произошло за день, мне нужно подумать.

Я собрал вещи и попрощался с Майклом. В желудке была пустота, как если б его вычерпали ложкой. Ехать домой мне не хотелось. Я припарковал машину напротив закуской и долго смотрел, как растут и вытягиваются вечерние тени. Прежде чем я попаду домой, наступит непроглядная тьма. Хотя я вырос не здесь, за несколько лет я немало наслушался историй про то, что тут творится, такие чудовищные истории, что порой и не верится вовсе. Я зашел в «Деннис» выпить пива и перекусить. После пары бокалов мысли в голове улеглись и перестали скакать как бешеные лошади. Я мог спокойно подумать. А подумать есть о чем. Если это убийство, то оно уж слишком изощренное. Готовить дома не хотелось, и я заказал сэндвич с курицей и кофе. Поужинал и поехал домой.

Я снимаю комнату в небольшом жилищном комплексе у подножья голливудских холмов. Старый и ветхий дом, построенный в середине 50-х для рабов Чарли Чаплина. Тесное сплетение комнат и чуланов, в которых даже у привидений есть своя роль. Кровать, стол, старый

комод, зеркало и распятие. Вот и вся мебель, которой я располагаю, и то вся она досталась мне от прошлых постояльцев. Я неприхотлив, мне этого хватает, все равно большую часть времени я провожу в конторе своего дяди.

Девяносто процентов домов в Лос-Анджелесе построено из дерева, на случай землетрясений. Деревянные здания куда более устойчивые и безопасные. Все бы хорошо, но у дерева есть и свои минусы. По вечерам сквозь тонкие мембраны стен в мою комнату просачиваются голоса соседей. Их стоны и храпы, разговоры смешиваются с телевизором. Смех ситкомов. Дурацкие мелодии, «Парки и зоны отдыха» и детский плач. Ругань на кухне.

Наш дом – уродливый и необязательный, он словно пупок на гладком животике Западного Голливуда, сотканного из солнечного света, вилл и пальм. От этого я часто чувствую себя гостем, попавшим на незнакомую вечеринку.

По ночам я часто не могу уснуть. Выхожу на балкон и становлюсь свидетелем чужих кошмаров. Чей-то брат напился и устроил дебош, вечеринка перерастает в скандал. Шпильки вонзаются в газон, на траву опускается женское тело, опоясанное черным шелком. Вслед за ним на землю падает бокал. Парень в смокинге не на шутку разбушевался, стоит пошатываясь, держа в руке бутылку «Моэт». «Вернись, Джулия, сука», – кричит он. Вдруг замечает, что на него смотрят, озирается, хмурится и исчезает, слившись с мраком ночи. Но даже исчезнув, он истощено вопит: «Блять»! Его голос исчезает вслед за ним, эхом заметавшись среди стен домов.

В десять часов вечера я сидел в ванной, наполненной до краев, положив прохладный мокрый платок себе на голову. Горячая вода действует на меня потогонно, и бисеринки пота то и дело вскакивали у меня над верхней губой. Не обтираясь, я вылез из ванной, и пяти минут мне хватило на то, что бы дважды побриться и причесать волосы. Брился я быстро, то и дело постукивая бритвой о кафель раковины, освобождая ее тем самым от сбритых волос. Словно бейсболист, что постукивает битой о шипы бутс. Побрившись, я вернул станок на полку чуть пониже шкафчика, за зеркальными дверцами которого не было ничего, кроме банки аспирина, маникюрных ножниц да упаковки пластырей.

Затем я вышел из комнаты и осмотрел себя в высоком, полноростовом зеркале, стоящем в прихожей, с ног до головы. Раскрыл рот и оскалил зубы, белые и квадратные, словно жвачки «Чиклетс». Рост шесть футов два дюйма, волосы черные, слегка удлиненные. Карие, почти черные глаза. Ноги худые и какие-то длинные, иногда я сам себе напоминал кузнечика. Длинные руки и неестественно широкие кисти. Я посмотрел на себя в анфас, затем в профиль. Взглянул на себя, стоящего в зазеркалье и указал пальцем.

– Эй, приятель! Да ты потрясающе хорош собой! – и засмеялся. Мой двойник засмеялся вместе со мной. С нас обоих на пол капала вода.

Стоя раздетым перед зеркалом, я вспоминаю едкие запахи зала боксерского клуба «Гудзон», места, где я рос. «О! Так мы воспитываем благородный мужской характер, веру в свои силы, смелый наступательный дух и умение контролировать себя», – слышу я голос тренера, Терри Колдуэла, самой большой и подлой крысы из всех ныне живущих, а ведь в том, что он все еще здравствует, у меня нет никаких сомнений. «Пусть они лучше разобьют себе нос, чем станут хулиганами и будут бить стекла в соседнем доме или курить крэк», – продолжает он самодовольно чесать языком и глазеть на выбивающиеся из кашемирового свитера пухлые грудки смазливой газетчицы.

Под видом детских соревнований в клубе «Гудзон» проводились самые жестокие и бескомпромиссные драки во всем городе. Проходя по рабочим районам Нью-Йорка, можно частенько увидеть дерущихся ребят, окруженных толпой зрителей. Дядя Терри был хреновым тренером, но отличным коммерсантом. Он быстро смекнул, что легализованные детские драки могут здорово поправить его финансовое положение.

Нет ничего более пугающего, чем детское насилие; жестокость – чистая, словно вода в горном ручье. Входя в азарт, мы лупили друг друга с бешеной скоростью, в основном по голове. Руки спешат напрямик, только бы успеть первым. Страх перед дракой. Вот бы остаться в тени. Спрятаться и не дышать. В таких драках команда «брэк» звучит как слова Господа.

Нередко такие «соревнования» заканчивались кошмарными увечьями, приводя в восторг зрителей, но это был уже не детский бокс, а бой молодых петухов. На таком ринге вы не встретите детей миллионеров, они не участвуют в легализованных драках, разве что в качестве зрителей. Это не «Вашингтон парк». Здесь другие ребята. Это удел бедноты, тех, на кого всем наплевать. Для богатеньких нет никакой разницы между избиваемыми и избивающими детьми, если и у тех и у других на руках боксерские перчатки.

Перед сном я еще долго шарил в интернете. От выпитого пива и длинного дня голова у меня начинала идти кругом. Гребаная сенсация. Девочка, погребенная под водой. Самоубийцы отеля «Сесиль». Череда странных событий. Интернет просто кишит всякого рода информацией, противоречащей друг другу. Споры на форумах, ники и аватары. Уже в полудреме мое внимание привлекла фотография девушки с узкими глазами и в голубом парике. На вид лет двадцати. Она подписана «Девочка Лас-Ночес». Ввязалась в спор с каким-то местным троллем – о том, могла ли Лам покончить самоубийством. А тот изо всех сил поливал их обоих грязью. Что еще можно увидеть в интернете? Чертовы малолетки. Признаюсь, от скуки я написал, что был сегодня в отеле, написал о том, что все видел своими глазами. Но мне так хотелось спать, что я отключился сразу же, едва отправив сообщение, не смотря на то, что в коридоре за стенкой хохотала какая-то женщина, а на всех этажах хлопали двери.

Глава третья. Девочка Лас-Ночес

СМИ только и говорили что о загадочной смерти канадской туристки. Этой теме посвящали передовицы три утренние газеты, это же убийство шло главным материалом в вечерних новостях. И какой канал ни включи, и что бы по нему ни шло, ток-шоу или мыльная опера, ты неминуемо наткнешься на бегущую строку или специальный новостной выпуск, посвященный этой теме. День за днем, и никаких результатов.

Это случилось утром. Случился этот чертов старик, с бородкой, напоминающей нож. Я шел к своему офису в Сенчури через грязно-желтую мглу города, так напоминающую мне актерскую душу, смотрел на вырастающие из этой мглы небоскребы; затем уткнул свой взгляд в телефон, опустив голову вниз, – и вдруг встрепенулся. Мимо меня с грохотом пролетел мусоровоз, и я увидел его, чудовищного старика, всего в лохмотьях, с беззубым впавшим ртом; шел он странно, будто втапывал в землю чьи-то руки. Все бы ничего. Мало ли сумасшедших ходит здесь пешком, пожалуй что только они и ходят, но я готов поклясться, что вслед за ним шел тот же самый старик, тот же самый беззубый старик. Я ускорил в шаг и буквально летел по Беверли Глен, боясь смотреть на прохожих, но у самых дверей офиса я врезался в этого чертового старика, который вырос из желтой дымки словно призрак. Он расхохотался, а я оттолкнул его и не глядя захлопнул за собой дверь. Чертов Лос-Анджелес, долбаный муравейник, который даже днем осаждают призраки. Я отдышался у двери и посмотрел в глазок. На улице никого не было.

Всю первую половину дня мы с Майклом провели за изучением видеозаписи из лифта отеля. Это была последняя запись, на которой присутствовала Лам. Перед тем, как обнародовать запись, над ней здорово поработали. В Лос-Анджелесе даже видеозаписи из лифтов проходят пост-продакшн.

Конечно, копы здорово потрудились над этой пленкой. Это было видно даже невооруженным взглядом: местами ускоренная, местами подтертая. Но, тем не менее, на данный момент – главная зацепка. При просмотре видео я понял, о чем говорила мне продавщица книг, когда сказала что Элиза вела себя странно. Либо она находилась под воздействием запрещенных веществ, либо она флиртует с кем-то, кого не видно в кадре. На записи это было заметно. Она нажимала по несколько кнопок подряд, как-то странно жестикулировала. Начинало казаться, что в лифте есть кто-то еще, но кто? На записи она была одна. Никого больше в лифте не было. Она поднялась на четырнадцатый этаж, самый верхний из жилых этажей. Больше Элизы на видеозаписях из отеля нет. Ни на выходе из отеля, ни в фойе первого этажа. Выходит, Элиза так и осталась внутри «Сесиль», а убийца, если он, конечно, существует, должен был находиться внутри одновременно с ней.

Телефон в моем кармане зажужжал и зажегся. Я достал его из кармана. Пришло сообщение на мессенджер. Я слегка удивился, потому как уже очень давно не получал сообщений на Фейсбук.

«Привет, амиго! Ты правда был в «Сесиль»?»

Тут я вспомнил про то, что сидел перед сном на форуме, но почему мне написали именно в Фейсбук? Я решил ответить.

«Да, и даже был на крыше».

Майкл достал из пачки сигарету и закурил. Он курил довольно необычно, как бы проглатывая дым, а затем часть его выходила из его ноздрей двумя тонкими струйками. Старик все-

гда докуривал окурки до самого конца. Одну руку он зажал под мышкой, а вторую все время держал у своего рта.

– У девочки было биполярное расстройство личности, – произнес он.

– Это как у Зэты-Джонс?

– Дерьмо собачье. – Майкл скомкал пустую пачку из-под сигарет и бросил ее на стол.

Опять он встал не с той ноги. Я посмотрел на него и промолчал. Что тут скажешь. Он взглянул на меня и продолжил:

– Это биполярное расстройство можно смело диагностировать у половины женщин во всем мире.

Майкл, как и многие люди старой школы, частенько скатывался в сексизм, ксенофобию и шовинизм. Он, конечно же, был гомофобом. Я никогда ему не перечил, вся эта дрянь налипла на нем как та кожная хворь. Зудит и не дает ему покоя, он весь чешется, и мозги его кипят. Бедный старый Майкл.

– Так вот, это биполярное расстройство очень просто диагностируется, и психиатры ставят диагнозы типа этого направо и налево, лишь бы выманить денежки.

– И что с того? – спросил я.

– А то, что Элиза могла и не быть сумасшедшей. – Майкл без надобности громко шуршал пустым пакетом, словно пытаюсь отыскать в нем что-то.

– Я не понимаю, к чему ты ведешь, дядя. И что ты ищешь в этом пакете, вчерашний день?

– Я говорю о том, что Элиза страдала биполярным аффективным расстройством личности и принимала соответствующие препараты; какие именно – еще предстоит узнать. Но люди с таким диагнозом обычно пьют нейролептики, антидепрессанты или транквилизаторы. И люди, которым ставили правильный диагноз и которые принимают соответствующие лекарства, могут быть гораздо здоровее половины жителей нашего города.

– Но что это меняет, была она сумасшедшей или нет? Ты же сам видишь, что девчонка ведет себя очень странно.

– Вижу. Если бы каждый наш невроз записывали в больничные карты, на их хранение не хватило бы и целого штата. – Майкл продолжал шуршать пакетом, зажав зубами сигаретный окурочек.

Я морщился: от этого дурацкого звука мне казалось, что у меня в голове завелись крысы. Майкл докурив свою сигарету и с упоением втоптал ее в дно пепельницы.

– Труп сейчас в морге, ведется следственная экспертиза на прием наркотиков. Скоро мы узнаем официальную версию, вследствие чего наступила смерть. Еще на днях сюда прилетят родители девочки.

– Откуда ты знаешь?

– Ну как ты думаешь, им надо забрать тело обратно в Канаду, парень?

Майкл сегодня был явно настроен на то, что бы выставить меня дураком. Но у меня было чувство, что я могу здорово продвинуться вперед в этом деле; на моей стороне была всемирная сеть, которой Майкл почти не пользовался. А на его – опыт и связи. Но то, что девочку нашли случайно, говорило о том, что полиция еще далека от раскрытия дела.

«421 Юг Каталина стр. (Корейский квартал). Сможешь приехать в 6?»

Я недоумеваю смотрел на всплывшую на экране телефона надпись.

Во-первых, я не понимал, как она нашла мою страницу, ведь на форум я зашел под левым никнеймом. Во-вторых. А что во-вторых? Во-вторых, это все было как минимум странно. Но ведь нас всех привлекают именно странности. Именно они будят в нас интерес.

Мне не хотелось падать в грязь лицом, и я попросил Майкла пробить ее телефон. Майкл поворчал немного, но согласился. Я знал, что он может узнать телефон практически любого

человека. Через полчаса он подошел к столу и кинул передо мной бумажку с телефонным номером.

– Надеюсь, что это по делу, приятель.

Под вечер февральского дня, когда солнце уже зашло, но еще не стемнело, город смолкает и окрашивается в светло-серые тона. День, как всегда, заканчивался быстрее, чем обычно, даже для меня, с моей вечной нехваткой времени. В квадратах окон и витрин киосков зажигается свет; машины, проносющиеся мимо, зажигают фары; с наступающей темнотой на город неспешно опускается прохлада. Прохожие спешат поскорее оказаться дома после длинного тяжелого дня и включить телевизоры. В супермаркетах и магазинах, торгующих спиртным, полупусто, и жизнь там замирает. Цветочные магазины и банки закрыты. Изредка раздаются сигналы полицейских сирен. Грохочут опускаемые на ночь металлические роллеты. Если внимательно всмотреться в лица людей, уставших и неподвижных, стоящих на пешеходном переходе в ожидании зеленого, тогда можно понять, о чем они думают, или хотя бы представить это. Представить их мечты и планы, их сомнения. Впереди ночь, а ночью город становится совершенно другим.

Мэй Вонг... Выходит, она кореянка. Я сидел в авто, держась обеими руками за руль, и заметил, что сжимаю его с такой силой, что костяшки моих пальцев белели от напряжения. Включил радио и посмотрел дорогу на навигаторе. Корейский квартал. Я живу не так далеко от этого района, но бывал там всего дважды. Что мне там делать? Пятый день подряд льет дождь, то мелкий словно пар, то проливной, короткий. В Сенчури машины стояли плотными колоннами от светофора до светофора, так что пришлось немного потолкаться до того момента, пока не выехал на бульвар Санта Моники. Затем я свернул на Уилшир и приехал в назначенное место без двадцати семь. Хоть я и отдохнул, но чувствовал какую-то вялость, может, оттого, что так и не успел пообедать.

Я воровато покосился на пейзаж за окошком. Аккуратные домики с подстриженным газоном. Несколько худых и высоких пальм. Зеленые лужайки. Чистые тротуары и гладкий, словно поверхность стекла, асфальт. Не каждая семья в этом районе может позволить себе жить в собственном доме. Да еще и на такой кукольной улочке.

Мэй не была похожа на девушек, которых я знал раньше. Это я понял сразу, как только увидел, как она выходит из дома. Тонкий бежевый плащ поверх белой чуть прозрачной блузки, юбка слегка выше колен. Очень элегантная. Во всех движениях ее чувствовалась неопишуемая восточная грация. Даже ходила она как-то вежливо.

Я опустил вниз пассажирское стекло и помахал ей рукой. Она увидела меня, заправила за ухо выбившуюся прядь волос и улыбнулась.

– Мэй, – представилась она и протянула мне руку, а я почувствовал слабость в ногах.

– Бадди, – ответил я и слегка сжал ее тонкую ладошку.

– Не хочешь перекусить? Я знаю отличный динер.

И мы поехали в сторону Санта Моники. Эти воспоминания для меня – самые яркие, наверное, из-за охватившего меня тогда волнения. Смешно, конечно, звучит, но я помню все. Каждую песню по радио, помню ложившийся на дорогу свет и помню ее волосы, прямые и гладкие, аккуратно и очень ровно остриженные внизу. В момент, когда она оправляла прядь волос, обнажалась ее тонкая шея и ухо с небольшой золотой сережкой-гвоздиком.

В мире, бегущем от смерти, закусочные обречены. Они то и дело исчезают с плоти города, словно прыщи. Все в Америке теперь хотят жить вечно. Сидя здесь, я словно возвращаюсь в детство, старый пыльный сон из прошлого. Круглый бело-голубой знак заправки «Эссо», уже горевший неоновым светом, хотя солнце еще не совсем зашло. Серый хромированный вагон-ресторан, с большой неоновой надписью «Старлайт динер», висящей над вывеской заведения так, чтобы ее было видно с автомагистрали. Шоколадные коктейли и венские вафли, чизкейки

и блестящие от холестерина бургеры. Вредно и круглосуточно. Последний оплот на пути мира фитнес-клубов и беговых дорожек.

На парковке практически нет машин. В глаза мне бросился невероятно длинный седан, больше похожий на баржу. Он выглядел отстраненно и казался декорацией к фильму, и я уже было испугался, что забегаловка закрыта из-за каких-нибудь дурацких съемок. Бетонная лестница поднимается ко входу в «Уинкис», через холм усеянный пожухлой агавой. Мы вошли внутрь и сели рядом на двухместном диванчике, обитом зеленой лакированной кожей. Пахло картошкой фри и кетчупом. За столами, стоящими вдоль окон, ужинали люди.

– По ночам в таких местах особая публика.

За окном шел редкий косой дождь, и его практически не было слышно.

К нам подошла молоденькая рыжая официантка; без лишних слов она поставила на стол тарелку с оладьями и ушла так же молниеносно, как и появилась. Мэй прыснула смехом.

– За это я их и люблю.

– Как ты меня нашла? – Я посмотрел на тарелку с оладьями. «Интересно, кто ест оладьи в такое время?»

– На форуме был твой емейл, я скопировала его и вбила в Гугл.

– Надо же... Как все просто.

Подошла официантка, тоже рыжая, но не та, что притащила оладьи. Мы попросили их убрать, и я заказал большой чизбургер с картошкой и колу, а Мэй – клуб-сэндвич с тунцом и зеленый чай.

– Тебе тоже интересно знать, что случилось с Элизой, Бадди? – спросила она.

Я посмотрел вниз, окинул взглядом юбку Мэй, как она аккуратно лежит поверх ее беленьких ног, и не смог удержаться.

– Вообще-то, я помощник детектива, но можно сказать, что это дело я веду практически в одиночку.

От неожиданности Мэй хлопнула в ладоши и улыбнулась, но потом так же быстро собралась, и улыбка на ее лице исчезла.

Я решил немного подразнить Мэй и принять сторону следствия. Во мне проснулся какой-то юношеский азарт.

– Вполне возможно, что девочка покончила с собой; у нее были проблемы с психикой и она пила таблетки.

Возмущение тут же возникло на овальном кукольном личике Мэй.

– Нет, это невозможно.

– Ты так считаешь?

– Ну ее же нашли голой в воде?

– Да, одежда плавала рядом.

– Видишь ли, здесь нужно понимать женскую психологию. Ни одна женщина не будет кончать с собой в раздетом виде. Представить только, что на тебя будут пялиться все репортеры штата и зеваки, еще фото... Нет, это не возможно.

– Мерлин Монро нашли голой, и Уитни Хьюстон, кажется, тоже.

– Что еще раз подтверждает тот факт, что это было не самоубийство, а несчастный случай. Была такая киноактриса Клара Блендик, так вот, прежде чем покончить с собой в отеле «Шелтон» в Голливуде, она пригласила в номер парикмахера и визажиста.

– Но мы же говорим не о кинозвезде. Она простая девчонка из Канады.

– Ты чтонибудь знаешь вообще о самоубийствах? Кроме того, что они случаются? – Проговорив это, она помешала свой чай, вынула из него ложечку и указала ею на меня.

Такой наглости мне не хотелось прощать даже столь красивой и элегантной девушке, как Мэй. Но я нашел в себе силы промолчать, и кажется, она это поняла.

– Восемьдесят процентов самоубийц вовлекают в это своих близких. И вообще, говорят об этом постоянно либо хотят, чтобы люди видели, как им плохо. То есть по сути превращаются в демонстративных шантажистов. А две третьих самоубийц в США и Канаде вообще не обращались к психиатру. И, как следствие, не понимали всей серьезности своей ситуации.

– Во всех правилах есть исключения.

– Вот именно; и если это убийство со всех сторон выглядит как суицид, оно им, скорее всего, не является.

– Ну ладно, ладно. Допустим, я тоже так думаю, но что это меняет? Если причиной смерти укажут суицид, то дело закроют. Никто не станет возиться с этим.

– Почему?

– Ежедневно на улицах Лос-Анджелеса гибнут люди, от огнестрельных ранений и ножевых ран; молодых парней забивают до смерти кастетами и бейсбольными битами. Нарко-торговцы и бандиты делят сферы влияния. Есть целая куча куда более зверских, кровавых убийств. Всем конечно жалко девчонку, и шумиха поднялась большая, но это слишком сложно.

Лицо Мэй стало грустным и слегка озадаченным. Нам принесли наш ужин, и она еще долго мешала ложкой свой чай, молча, словно впад в ступор. Затем убрала руку от чашки и взглянула на меня.

– Ну, вот и прекрасно. Значит, ты доведешь это дело до конца.

Я улыбнулся. Над нами не спеша вертелся пропеллер. За многие годы он словно устал и крутился рывками, будто прихрамывая. С натугой, виток за витком. Так доживают свою жизнь инвалиды и пьяницы, либо те, кому надоела эта длинная гонка, кто уже сошел с дистанции и стоит в сторонке, пока другие бегут к ленточке. Этот марафон никогда не закончится, кто-то уже подбегает к финишу, а кто-то едва пробежал километр. Пропеллер заставляет двигаться тонкие пряди волос Мэй, и она то и дело поправляет их. Грустные песни из автомата. «Я снова буду твоей». «Любовь – это ответ». Пролетающие по автостраде машины. Кто-то смотрит на нас сверху? И что же он видит? Крошечные стальные моллюски, копошащиеся среди песка и пальм.

Мэй выглядела словно изящная статуэтка с белой и гладкой, словно фарфор, кожей. Одежда и манеры – кроткие, но исполненные стиля. Она была живым воплощением искусства и красоты, созданной для того, чтобы ею восхищались. Я словно стоял у витрины фешенебельного магазина и смотрел на нее, будто через стекло. Между нами была стена, выстроенная разницей потенциалов. Я пытался мысленно приблизиться к ней вплотную, но упирался в стену собственных мыслей. Вся моя прежняя жизнь, сотканная из лишений и одиночества, не давала мне хоть на шаг стать к ней ближе.

Мы поужинали, и я заплатил за счет. Свой сэндвич Мэй так и не съела. Она взяла с меня обещание встретиться в ближайшее время и ввести ее в курс дела. И разве я мог ей отказать? Я лишь улыбался и утвердительно кивал головой. Мы ехали домой на закате. Я поставил диск Френка Оушена.

Мэй вытягивала свои тонкие кисти навстречу закату, прямо к лобовому стеклу. И ее длинные худые пальцы светились рубинами.

Глава четвертая. Бритва Оккама

Тем временем, пока Майкл, словно под гипнозом, раз за разом просматривал запись из лифта отеля, я все глубже погружался в дебри расследования.

Просматривая новостную ленту, я наткнулся на интересную новость. Средства массовой информации сообщают о локальной вспышке заболевания туберкулезом, возникшей именно в тот же день, когда бедняжку вытащили из цистерны, в одном из соседних кварталов. Туберкулез сдетонировал, а бомбой самой эпидемии оказались бездомные.

«Глобал лук пресс»

Лос-Анджелес столкнулся с массовой вспышкой туберкулеза. Источник эпидемии – люди без определенного места жительства. (Передает Ройтерс). Пояснения дал представитель местного отделения Министерства здравоохранения Мэбел Арагон: сейчас специалисты подсчитывают, сколько именно человек являются носителями туберкулеза.

Пока известно о 4650 пострадавших. Также сообщается о том, что за последние пять лет эксперты выявили семьдесят восемь случаев уникального стойкого штамма туберкулеза, который в одиннадцати случаях привел к смерти. Так вот, шестьдесят человек, заразившихся этим особым штаммом, были как раз бездомными.

По чистой случайности я забыл стереть из поисковой строки «Элиза Лам» и вписал «туберкулез». И поисковик выдал мне ссылку на то, что существует тест на выявление у пациента туберкулеза, и называется этот тест – ЛАМ ЭЛИЗА.

Когда я подошел к Майклу, он точил карандаш. Майкл прекрасно знал, что точилка тупая, практически неисправная, но несмотря ни на что продолжал усердно пользоваться ею. Такой он был человек.

– Чем занят, Майкл?

Его рабочий стол был весь засыпан деревянной стружкой и обломанными грифелями.

– Появилась новая информация, которую ты должен знать, Бадди. Девчонка обращалась к мозгоправу. И тот выписал ей целую кучу лекарств. Копы провели обыск ее аптечки. Чего там только нет.

– Думаешь, она была поедательницей таблеток?

– А может и наоборот, черт его знает.

– В смысле, наоборот? – удивился я.

– В том самом смысле, что она могла воздерживаться от их приема. Вот послушай... – Майкл смахнул с белого листа стружку, дунул на него, одел очки и начал громким голосом читать.

– Одиннадцать таблеток адвила. Семьдесят таблеток ломотриджина. Двадцать таблеток кветиапина. Шестьдесят четыре таблетки венлафаксина. Две таблетки декседрина. Пятьдесят семь таблеток велбутрина и две таблетки сенутаба. Теперь подробнее о лекарствах, если, конечно, тебе интересно?

– Да, Майкл, черт возьми, конечно мне интересно.

– Ну так вот. Адивал – это обычное жаропонижающее, продается без рецепта. Ламотриджин – это противоэпилептическое средство...

– У нее что, была эпилепсия?

– Да нет же, ты не дослушал. В то же время это средство применяется и при лечении биполярных расстройств. Он продается по шестьдесят таблеток, рецепт свежий, от одиннадцатого января, значит, от старого рецепта у нее оставалось еще десять таблеток. Кветатин – это нейрорептик. Двадцать таблеток, мозгоправ выписал тридцать, значит, за двадцать дней она съела только десять таблеток. Венафлаксин – это антидепрессант. Тоже выписанный врачом,

а вот дексидрин, который является амфетамином, врач ей не выписывал. Ну да ладно. Синутаб – это таблетки от простуды, ничего интересного, ну и велбутрин – выписал врач, пятьдесят семь таблеток, в упаковке – шестьдесят. Что говорит...

– О том, что она их практически не принимала, бла-бла-бла. Майкл удивленно взглянул на меня, словно с каким-то презрением.

– Тебе не нравится то, что мы делаем?

– Конечно нравится, Майкл. Мне просто кажется, что мы не там ищем.

– А где нам, по-твоему, искать?

– Мы даже не понимаем, кого мы ищем.

– Мы ищем убийцу, Бадди.

– Если я что-то нарую, я тебе сообщу.

Майкл снял очки и положил их на стол. Он продолжил безуспешно точить свой карандаш, а стружка летела во все стороны. Полосатая рубашка Майкла уже вся была покрыта серыми грифельными точками.

И тут зазвонил его телефон. Майкл взял трубку.

Я уставился на свои записи, Майкл слушал звонившего. Потом я стал мысленно представлять Мэй Вонг. Она возникала перед моими глазами уже в сотый раз после того, как я впервые не смог оторвать взгляд от ее карих глаз. Майкл слушал звонившего уже длительное время, без всяких вопросов и комментариев. Мне вдруг захотелось, чтобы мой телефон тоже зазвонил и отвлек меня от мыслей о Мэй.

Наконец Майкл положил трубку. Я спросил:

– Что-нибудь интересное?

– Еще одна занимательная история про серийного убийцу. Так с кем у тебя было свидание?

– С корейской девчонкой.

– Девчонка красивая?

Я промолчал.

– Может, сходим перекусим в «Карлис»? – крикнул он.

– Да, конечно, пойдём.

Мы вышли из офиса. Майкл решительным движением захлопнул дверь и засунул руки в карманы брюк. При ходьбе он забавно выпячивал живот. Майкл был слегка грузным и из-за этого казался неуклюжим. Асфальт был мокрым от прошедшего недавно дождя, и покрывки машин, проносящихся мимо, издавали приятный шелест.

Обычно мы заходили перекусить на фуд-корт в одном из больших торговых центров, неподалеку. После рутинной работы, в абсолютно пустом помещении, где ты мог рассчитывать разве что на компанию нескольких мух, людской шум торгового центра действовал успокаивающе, словно шум водопада. Как-то я смотрел один русский фильм про космос, который мне посоветовал Майкл. Так вот, космонавты, находившиеся на орбитальной станции, чтобы не сойти с ума, клеили на вентилятор бумажные листочки, имитирующие шум листьев. Так и мы с Майклом, были такими же космонавтами. А чтобы не сойти с ума, мы ходили в этот торговый центр, заодно и доказать самим себе, что мы живем среди людей. Это было не так.

Мы зашли в «Карлис», и я заказал себе большой бургер с говядиной и перчиками гуакамоле, а Майкл – пиво и крылышки «Баффало». Взяли подносы и сели за стол.

Майкл одним залпом отхлебнул треть бокала и посмотрел на меня своей озорной, ребячьей улыбкой.

– Так что, у тебя появилась девчонка, Бадди?

– Да, не то чтобы...

– Как вы с ней познакомились?

– Это что, допрос?

– Да нет же, – Майкл засмеялся и прикончил остаток бокала. Громко брякнул им об стол и вытер подушкой большого пальца усы. – Мне интересно, взгляни на меня, я кучу времени в глаза женщин не видел.

– Тебе только что продала пиво женщина, дядя.

– Не валяй дурака, Бадди, ты прекрасно понимаешь, о чем я.

Это может показаться чертовщиной, но я понятия не имел, как перед ним возник очередной бокал. И пока я думал, что ему ответить, Майкл здорово к нему приложился.

– Какая она из себя, эта Мэй? Как вы с ней познакомились?

В этот момент я вспомнил, откуда у меня взялся ее телефон. Это меня жутко разозлило. Старик все знает и просто валяет дурака. Теперь я жалел, что попросил его об этом. Только занятый едой рот удержал меня от резкого комментария. Дожевав, я сказал:

– Мы познакомились в интернете, представь себе.

За моей спиной шипели гамбургеры.

– Красивая, наверное, до чертиков. – Сказав это, он как-то нервно погладил кончиками пальцев край подноса.

– Да, так и есть.

– Ты, небось, наплел ей всякого, да? Что ты детектив и все такое.

Я посмотрел на Майкла: высокий, переходящий в затылку лоб был красным и слегка шелушился; видимо, зараза уже подбиралась к его лицу. Он смотрел на меня и улыбался, а глаза его стали стеклянными от выпитого пива.

– Майкл! – не выдержал я. – Ну что за любопытство?

Я не замечал того, как часто разговариваю с ним тоном обвинителя. Меня всего просто трясло. С каждым днем между нами росло непонимание, словно катящийся с горы снежный ком. Мне было жалко Майкла. Он был человеком, находившимся под давлением старости и алкоголя. Я смотрел на его жирные пальцы, на то, как он обгладывал куриные кости, словно пес и кидал их прямо на поднос, торопливо запивая пивом.

Наконец он собрался сказать мне что-то, и пивной бокал застыл в воздухе на полпути к его рту.

– Ты стал каким-то скрытным, Бадди, не подкопаться. Все думаешь о чем-то. Молчишь.

– Я тебе уже говорил. Мне кажется, мы не там ищем, – медленно произнес я.

– Расследование только началось, не торопись жить, Бадди. Будешь смотреть во все стороны – не увидишь того, что творится у тебя перед носом. Нужно уметь жертвовать частным во благо общего. – Рот он утер салфеткой, отодвинув в сторону пустой бокал.

– Ты это к чему сейчас?

– То, что мы имеем на данный момент – единственные настоящие зацепки. У копов слишком мало шансов раскрыть это дело, а у нас тем более. Но если мы будем работать скрупулезно, мы, в конечном счете, можем добиться успехов.

– И что же я по твоему должен делать?, – продолжил я. – Изучать вместе с тобой видеозапись из лифта, вдоль и поперек изрезанную, или изучать ее аптечку? Мы даже не знаем, что вырезали из записи копы, как мы можем вообще судить о чем-то?

– Я тебя ни к чему не принуждаю, Бадди. Наоборот, даю тебе карт бланш, делай что хочешь, но, умоляю, смотри при этом себе под ноги.

– Ты слышал о недавней вспышке туберкулеза?

– Да. – Майкл без смущения облизал жирные пальцы, а затем с усердием принялся оттирать их салфетками. Через минуту из использованных салфеток на столе вырос целый сугроб.

– Так вот, есть тест на определение у больных туберкулеза – «ЛАМ ЭЛИЗА».

Майкл задумался. Он достал из кармана пиджака нераспечатанную пачку «Лаки Страйк», снял с нее целлофан, оторвал фольгу и вытащил сигарету. Поднес ее к губам и понюхал табак. Но закуривать не стал, а лишь держал сигарету в пальцах, слушая меня.

– А еще, это конечно ни о чем не говорит, но это произошло в один день с тем, когда Элизу нашли в баке с водой.

Майкл ничего мне не ответил, а лишь поднялся из-за стола, запихивая себе в рот остаток курицы. Я встал вслед за ним, и мы вернулись в контору.

После обеда я еще немного посерфил сеть, но так и не нашел ничего нового, а примерно без четверти пять пришло сообщение от Мэй:

«Можешь приехать в шесть?»

Тогда я собрался, накинул на плечи пиджак, закинул в сумку лэп-топ и блокнот.

– Я возьму твою машину, Майкл?

Майкл сидел перед погасшим монитором своего компьютера, в руках держал воткнутый в точилку карандаш. Он посмотрел на меня, и тогда я впервые заметил что-то в его взгляде. Что-то, что укололо меня, словно иголка.

– Конечно, Бадди.

Я подошел к нему и положил руку ему на плечо.

– Я сам здесь все закрою, – сказал он.

Едва я дошел до двери, Майкл меня окликнул.

– Если что-то можно одинаково объяснить несколькими способами, стоит выбирать наиболее простой, парень. Если ты слышишь топот копыт, думай о лошадях, а не зебрах.

Мне не хотелось больше смотреть ему в глаза, было в них что-то противное моему уму, и я не глядя закрыл за собой дверь.

Глава пятая. Мадам Вонг

В тени у дома Мэй было прохладно, с деревьев еще капала вода после вчерашнего дождя, отчего было еще прохладнее и приятнее. Я заглушил двигатель и вышел из машины.

Я позвонил в звонок дома Мэй ровно в шесть вечера. На мне был мой лучший наряд – пиджак «Дона Каран» на две пуговицы, белая рубашка и серые фланелевые брюки.

Дверь мне открыла Мэй, в свободных джинсах и серой майке «Сан-Диего Чарджерс». Несмотря на свой домашний прикид, она была совершенно сногшибательная. Оглядев меня, она взяла меня за руку и сказала:

– Привет, Бадди. Зайдешь? Послушай, мне не хотелось ей сообщать, но мама узнала, что ты придешь. И она настояла, чтобы ты остался у нас поужинать.

Я поймал себя на мысли, что зря я разоделся как дурак. Признаюсь, это было для меня легкой неожиданностью, но я все же решил не упорствовать. Тем более, если девушка приглашает.

Перед домом была длинная лужайка, недавно подстриженная. По всему видно, что за домом следили.

– Разуйся, пожалуйста. – Мэй указала мне на небольшой обувной ящик у входа и сама сняла кроссовки, которые смотрелись на ней так же хорошо и естественно, как вечерние туфли. Если человека пронизывает незримая энергия красоты и изящества, совершенно не важно, что на нем одето.

Я позволил Мэй взять меня под руку и провести в дом. Фойе было таким же простым, как и фасад дома.

– Это ты, милая? – раздался женский голос.

Восточные женщины практически не имеют возраста. И теперь, глядя на красивую, высокую женщину, смотрящую прямо мне в глаза, я не мог понять, сколько ей лет. Неужели это была мама Мэй? У нее были такие же блестящие темные волосы и бледная кожа.

– Бадди, это моя мама.

– Очень приятно, – прогнусавил я.

Мы прошли в гостиную, если, конечно, так можно было назвать эту лишенную мебели комнату. Она была просторная, из чего я и решил, что эта комната служит для приема гостей. На полу лежал ковер, огромный и белый, занимавший большую часть комнаты. На ковре лежали подушки и свежий номер «Вэнити Фэйр» с Николь Кидман на обложке. Кухня же была отгорожена от этой комнаты ширмой, сделанной то ли из бумаги, то ли из мутного тонкого стекла. В углу комнаты стояла статуэтка – журавль. Он стоял на одной ноге, а в клюве у него была лягушка.

– Вы не голодны, Бадди?

– Нет, мэм.

– Хорошо, тогда я просто сделаю нам чай.

Мэй взяла меня за руку и посадила на одну из подушек, лежащих на ковре. У меня не было привычки сидеть на полу, и я долго не мог на ней устроиться. Мэй смотрела на меня и улыбалась. А я думал о том, как же она хороша.

Стены гостиной были оклеены обоями с очень странным рисунком, похожим на орнамент. Несмотря на незаполненность комнаты, у меня создавалось ощущение уюта, а еще какого-то особого статуса, к которому принадлежали эти две женщины.

Спустя несколько минут мадам Вонг вернулась к нам, держа в руках небольшой чайный столик. Углы его были обиты медью, а ножки сделаны из слоновой кости, резные. Дорогая вещица, ничего не скажешь. На подносе стоял прозрачный чайник с острым носиком и три чашки. Она поставила на ковер столик и села рядом с нами. Сидели они очень естественно,

чего нельзя было сказать обо мне. Рубашка моя выбилась из брюк, а ноги не находили себе места. Из-за этого на лбу у меня выступила испарина и мне пришлось стереть ее платком.

– Мэй мне о вас рассказывала, Бадди, я знаю чем вы занимаетесь.

От ее слов у меня запершило в горле, и я издал какой-то странный, хрюкающий звук и посмотрел на Мэй. В ответ она улыбнулась.

– Не обижайтесь на нее, Бадди. Для корейских семей очень характерна связь внутри семьи. Отчасти мы с Мэй одно целое, так что вам не стоит удивляться тому, что то, что известно Мэй, известно и мне. И наоборот, конечно. – Сказав это, она крепко сжала кисть Мэй. Это было заметно по тому, как заиграли сухожилия на ее тонкой руке.

– У вас очень красивое имя, а что насчет фамилии?

– Моей?

Мадам Вонг рассмеялась, обнажив свои белые, словно жемчуг, зубы. Она была очень красивой и уступала Мэй только в возрасте.

– Дэйруин.

Она на секунду задумалась.

– У вас очень странная фамилия, Бадди. Я никогда такой не слышала.

– Это фамилия моего отца, он ирландец.

– А ваша мать?

– Она родом из Кентуки, Боулинг Грин.

– А мы перебрались в Калифорнию только в конце девяностых, до этого жили в Новой Зеландии.

– Отчего же переехали?

– О, она слишком провинциальна, к тому же, отец Мэй, мой муж, был родом из этих мест. Я решил, что лучше мы будем разговаривать о ней, а не обо мне. Хоть любопытство мне и не свойственно.

– Кем же он здесь работает, мэм?

– О, к сожалению, он погиб.

И конечно, я тут попал впросак.

– Прошу прощения, мне очень жаль...

– Он был американцем, безумно влюбленным в

Восток. Мы познакомились в Сеуле, когда я была еще студенткой. Он был калифорнийцем, родился и вырос в Лос-Анджелесе, а потом долго работал на Востоке. Сеул, Гонконг, Макао. Он был безумно красивым, очень высоким, с грубым американским лицом. Мы так долго вместе прожили, что сделали из собственных теней дверь для нас двоих. Он уже вышел, но ждет меня за этой дверью, я знаю это.

Сказав это, мадам Вонг взяла чайную чашку и поднесла ее к своим тонким губам, ногти ее были покрыты алым лаком практически идеально. А на руке у нее я заметил обручальное кольцо. Выходит, она его так и не сняла. Неужели такая красивая женщина собирается хранить верность своему покойному мужу до конца жизни? Ведь она такая молодая.

– Что бы мы ни делали, мы всегда были вместе. Знаете, Бадди, влюбленных ничего не может испугать, если они любят друг друга по-настоящему. Даже смерть. Во всем, что он делал, я чувствовала себя частью этого. Только после его смерти я поняла, что мы создавали храм своей жизнью, своими поступками. Мы очень долго жили в Сеуле. Мои родители не принимали этот брак, и нам приходилось скитаться, жить где придется, но ведь, как часто бывает, именно такие годы оказываются самыми ценными. Потом я забеременела, родилась Мэй, а через несколько лет мы перебрались в Новую Зеландию. Отец Мэй был настоящим американцем. Я думаю, в его вере в Бога было что-то мальчишеское, такое беспрекословное и лишенное всяких сомнений знание. Вы верите в Бога, Бадди? Верите в метафизику? В то, что существует другой мир, скрытый от наших глаз?

– Не думаю, мэм.

– Что, правда? – Она улыбнулась. – Я почему-то так и думала. Но вы очень хороший, я вижу по вам, что вы очень хороший. Отчего же вы ни во что не верите?

– В кое-что я верю.

– Во что, например?

– В детстве мы с мамой пару раз ездили в Кентукки, к нашим предкам. Мой дед тогда еще выступал на родео. Как-то мы пришли посмотреть, как он скачет на злющих своих быках. В тот день зрителей собралось немного, лил мелкий противный дождь. Я не помню, сколько дед продержался, сидя на быке, но вроде как даже десяти секунд не прошло, как он свалился в грязь. Когда его оттащили и закинули за перегородку, мама положила мне руку на плечо и сказала: «Вот это и есть жизнь». Столько лет прошло, но я до сих пор помню этот день, глаза быка. Быку все равно, веришь ты в метафизику или в магию вуду. У него есть рога. И ему нужно тебя на них насадить. Жизнь – этот бык и есть, а мы в силах только стараться как можно дольше на нем просидеть. Пока он не втопчет нас в грязь.

– Бадди. – Мадам Вонг в очередной раз улыбнулась. Надо признать, она была со мной очень мила. Мэй решила ввязаться в наш разговор, видимо, ей было слегка неудобно. Ведь мы были едва знакомы.

– Я хочу, чтобы Бадди сходил со мной в «Дарк рум», одна я идти не хочу.

– Я не против, если Бадди, конечно, этого хочет.

– Вполне, сегодня пятница. Можно немного расслабиться. – Я постарался улыбнуться, но почувствовал, что это вышло немного криво.

– Вы не против, если мы немного поговорим об Элизе Лам?

Признаюсь, это последнее, о чем мне хотелось разговаривать, но мадам Вонг была так мила со мной, и мне не хотелось ей отказывать.

– Я пока слишком мало знаю об этом деле, знаю лишь то, что это не самоубийство.

– Я тоже это чувствую. Вы представляете, как это страшно, Бадди, умереть вот так, в чужом городе, в другой стране, в этом отеле?

– Мне кажется, умереть всегда страшно, даже во сне.

– Вы правы. Но здесь этот страх передается другим.

– В таких городах, как Лос-Анджелес, перенаселенных, разбитых на кластеры, всегда будет много убийств и преступлений, чаще всего страшных и безумных.

– Вы так пессимистичны.

– Я сам немного переживаю из-за этого, просто стараюсь смотреть правде в лицо.

Мэй вышла из комнаты, сказав, что ей нужно собраться. Мы остались вдвоем с мадам Вонг. Она поднялась и ушла за ширму, вернувшись уже с сигаретой и зажигалкой в руке. Я тоже встал. С непривычки у меня затекли ноги, и одна из них меня совершенно не слушалась, я пытался размять ее. Сгибал в колене и массировал икру пальцами. Мадам Вонг сделала вид, что не замечает этого.

– Я закурю, вы не против?

– Курите конечно.

– Не желаете?

– Нет, спасибо, я не курю.

– Вы знаете, Бадди, бедняжка Мэй очень переживает из-за того, что случилось. Она чем-то схожа с этой девушкой, Элизой.

– Чем же?

– Видите ли, у Мэй тоже есть форма некоего расстройства. Она сейчас пьет таблетки. Именно поэтому я и прошу вас побыть с ней. Сейчас полнолуние, и у нее обострение, она в такое время слегка не в себе. Слезы, истерика на пустом месте. Вы бы знали, как я от этого устала. Мы остались вдвоем, это очень непросто. Она очень ранимая и тяжело переживает

гибель отца. Мы вдвоем тяжело это переживаем. Но ведь кому-то нужно быть сильным. Плюс еще эти жуткие мигрени, как и у ее отца. От них он жуть как мучился. Бывало, запрется в своей комнате и целый день не выходит, меня это просто изводило на нет. Ну, так что скажешь?, – неожиданно закончила она.

– Конечно, мэм, мне это совершенно не сложно.

Мадам Вонг курила очень элегантно, стряхивая пепел в свою тонкую ладонь. Докурив, ушла за ширму и смыла пепел водой, я услышал включившийся кран. Вернувшись, она коснулась моего лица.

– Спасибо, Бадди.

Спустя несколько минут вошла Мэй, в красивом разноцветном платье и с небольшой сумочкой «Майкл Корс» на цепочке. Волосы ее были причесаны и убраны за уши. Они обнажили тонкую шею Мэй. На ней было несколько родинок. Подойдя к нам, она улыбнулась.

– Ну что, мы пойдем.

Мадам Вонг проводила нас к выходу. Закрывая за нами дверь, еще раз обратилась ко мне.

– Помните, о чем я вас попросила, Бадди.

Глава шестая. Protege Moi

Мы сели в машину. Мэй положила обе руки на сумочку, лежащую у нее на коленях. Она словно меня стеснялась. Я включил двигатель и посмотрел на Мэй.

– Какие у нас планы?

– Сансет стрип?

Рядом с Мэй мир словно набирался цветом. Проносья по бульвару Санта-Моники, я открыл окно, и в меня вонзился запах кедров. Откуда он здесь? Боже, как же давно я не чувствовал запахов. Тогда мне казалось, что окутывающий меня бетонный кошмар вот-вот рухнет, а внутри меня родится новый мир, цветной и разный, наполненный миражами лесов и морских пейзажей.

В угоду чему я лишился красок и запахов жизни? Я пытался вспомнить, сколько же у меня дней, в которые я был действительно счастлив. Вряд ли наберит с десяток. И то, на самом дне. Мы неслись в сторону ночи, а солнце склонялось над нами, разжиревшее, словно ненасытный боров, и впивалось в наши глаза.

Я полюбил Мэй. И даже сейчас, лишившись всего, я представляю, как мы тянемся друг к другу, во мраке дней, сквозь гул и скрежет, словно две чертовы хризантемы. Гораздо проще жить иллюзиями. Если бы я только мог.

Мэй повернулась ко мне и положила руку мне на предплечье.

– Ты знаешь фильм «Темная вода»?

– Нет.

– Это триллер, про то как одинокая мать с ребенком селятся в новую квартиру, а в ней творится что-то неладное. Постоянно появляются потеки темной воды и вообще происходит всяческая чертовщина. В конце концов все это сводит ее с ума.

– Почему ты про него вспомнила?

– Ее дочку зовут Сеси, а ее саму – Далия.

– Сеси?

– Ну, да, почти как Сесиль.

– Просто совпадение.

Я сбросил скорость и взглянул вверх, небо выдавливалось из себя облака, сливающиеся в сплошную пелену.

– А фильм «Черная орхидея» ты смотрел?

– Да, кажется, – ответил я.

– Он про жуткое убийство одной женщины, Элизабет Шорт.

С левой полосы меня обогнал «Феррари», плоский, будто клоп. На ветровом стекле точками чернели останки насекомых. Плотные брюки липли к моим ногам.

– Да, я помню... Ее, кажется, расчленили, – ответил я.

– И вырезали ей буквально все: половые органы, разрезали пополам тело, лицо, просто ужас. Жуткое убийство.

– Ну, а она здесь при чем?

– Говорят, что она часто бывала в баре отеля «Сесиль».

– И что же?

– Ну, Элизабет Шорт – она и есть Черная Далия. А дочь Далии из «Темной воды» – Сеси. Как отель «Сесиль».

– Ты просто смотришь очень много фильмов.

Я взглянул на Мэй и увидел, как она чуть заметно стиснула губы.

– Ты хочешь меня обидеть?

– Нет, Мэй. Просто, это же Лос-Анджелес, все питаются одними и теми же историями. После таких кошмаров написать сценарий для фильма ужасов такие пустяки. И я не исключаю, что сценаристы специально втискивают в фильм такие аллюзии. Это вроде как ключи для тех, кто в теме. Что-то вроде игры для посвященных.

– И ничего больше?

– Думаю, что ничего.

Квадратные у дорог, прямоугольные – на крышах домов, рекламные щитки кричали каждый о своем. Красивые лица с белоснежными улыбками. Реклама, казалось, отражалась в самом воздухе. Блестящие автомобили, светофоры, дрожащие силуэты людей сливались в чудесный напиток, который я поглощал глазами. В его вкусе мне грезился запах будущего, без нищих и калек. Справа от нас показались две забегаловки, видом своим напоминая ювелирные лавки, примыкающие к отелю «Сансет Тауэр». Длинные, несколько ярдов в ширину.

– Говорят, что Джон Уэйн держал корову на балконе своего пентхауса, чтобы каждый день пить свежее молоко, – сказал я, глядя на витрины отеля, и Мэй звонко рассмеялась.

Я припарковал машину в одном из переулков недалеко от «Рокси», и мы пошли по бульвару Сансет в сторону клуба. Навстречу нам шли толпы празднично гуляющих людей, которые на ходу жонглировали своими телефонами, стаканчиками с кофе и газетами. И мы плыли против течения, широких улыбок и безмятежных взглядов, пока не нашли нужное здание.

Кирпичные стены клуба были выкрашены в черный цвет. Вывеска, тяжелая металлическая дверь – все было черным. Мы зашли внутрь и протиснулись в зал по узкому, разрисованному граффити коридору. Играл гранж. Мы сели за круглым столиком, накрытым грязноватой красной скатертью. Грязь на ней была заметна даже в темноте клуба. Мэй заказала Дайкири. А я – голубой «Джонни Уокер».

– И в сублимальное программирование ты тоже, конечно, не веришь, Бадди?

– Во что, прости?

– В с у б л и м а л ь н о е п р о г р а м м и р о в а н и е. – Мэй повторила это словосочетание отчетливо, проговаривая каждую букву.

– Я, если честно, даже не знаю, что это.

Ее широко раскрытые черные глаза на миг прояснились, и она снова улыбнулась своей красивой кокетливой улыбкой:

– Оно заключается в том, что к человеку применяют технику программирования его на определенные действия, путем убеждения, которое реализуется ниже порога его сознания.

– Типа, могут склонить его и к убийству?

– Да. Многие рекламщики стараются применять это для коммерческих целей.

Она приложила свои изящные пальчики к шее.

– Но убедить кого-то купить попкорн и убедить всадить в человеческое горло нож – это разные вещи.

– Разные. Но это как разные весовые категории в боксе, кто-то дерется в среднем весе, а кто-то в супер-тяжелом.

Я удивленно взглянул на Мэй.

– Ты что, смотришь бокс?

Она, улыбаясь, кивнула и поправила свою безупречную прическу.

Я не мог поверить, что слышу все это из уст двадцатилетней девчонки. И изо всех сил старался унять улыбку, чтобы она не заподозрила моего недоверия.

– То есть ты хочешь сказать, что Элизу могли заставить покончить с собой?

– Ну, просто такой факт не стоит исключать.

– Но для чего?

– Не знаю, может чтобы принести ее в жертву каким-нибудь жестоким богам.

Она поднесла к губам конусовидный бокал и сделала короткий глоток.

- Ты сейчас шутишь, что ли? – удивленно спросил я.
- Нет. Ну, послушай, Бадди. Это же не простое убийство?
- Нет, – ответил я.
- Ну так, может быть, и разгадка у него не простая.

Я конечно не верил во все это, но все же решил подлить масла в огонь.

– Недавно произошла вспышка эпидемии туберкулеза, в тот же день, когда Элизу достали из резервуара с водой. И выяснилось, что есть тест на выявление туберкулеза «ЛАМ ЭЛИЗА».

Услышав это, Мэй встрепенулась. Глаза ее заблестели, а брови, похожие на мелкие вороньи перья, встрепенулись.

- Вот видишь, у этой истории просто не может быть простой финал.
- Давай поговорим о чем-нибудь другом, Мэй.

Я не люблю гранж, для меня эта музыка слишком депрессивна. Я смотрел на Мэй, как она тонет в бокале с мартини. Смотрел на блеск ее черных глаз. Она прикладывала губы к бокалу и смотрела на меня исподлобья. Ее черные тонкие волосы опадали вниз. Тогда я хотел, что бы это мгновение замерло. Просто остановилось.

Мы долго сидели внутри и вышли из клуба уже затемно. На улице возле клуба было полно молодых и пьяных людей. Джинсовые мальчишки, худые девчонки с глазами, полными теней, эксцентричные старики, словно вампиры, питающиеся витальной энергией чужой молодости.

Мэй слегка опьянела. Ее тело покрывали мурашки, появившиеся от ночной прохлады. Я обнял ее.

- Тебе холодно, Мэй?

Я придвинулся ближе. От нее пахло сигаретами, лицо было заплаканным. Я обнял ее, в ответ она прижала меня к себе и сказала:

- Я не хочу домой, Бадди.

Я снял с себя пиджак и накинул его на плечи Мэй. Она держала меня за руку и вглядывалась прямо в глаза, будто силясь вытянуть из них что-то.

- Поедем на пирс, поедем к океану. Поедем куда-нибудь, Бадди.

Мы сели в машину и поехали по «пятому» через Анахайм, в сторону Сан-Диего; ехали несколько часов, слушая музыку, но доехали только до Сан-Клемент. Я ехал туда потому, что чувствовал, – мы оба туда хотим. Эта ночь была наполнена нами. Пальмы подступали почти к самому океану. Не было видно ни души. Я свернул с дороги и поехал по песку, пока почва не стала сырой, выключил мотор. Мэй взглянула на меня так, что я решил выйти из машины, пока мои ноги еще не совсем вышли из-под контроля.

На лице Мэй появилось беспокойство, и тут я заметил едва уловимое сходство ее с убитой. В целом черты лица Мэй были более изящны, чем у Лам, и напоминали ее лишь отчасти. Я вгляделся в них повнимательнее: испуг в светло-карих глазах, блестящих при свете уличных фонарей. Ее руки дрожали. Ветер трепал волосы Мэй, и я придерживал ее, следя за тем, как она осторожно ступала по песчанику на своих тонких каблуках. Затем она сняла их, и дальше мы шли уже спокойно, обняв друг друга.

Мы смотрели на океан, слушая его рокот. Он шумел внутри нас. Я никогда не вернусь назад. Нью-Йорк не обо мне. Я хочу раствориться здесь, в этом пейзаже, стать его частью. Ракушками на побережье. Ничего больше. Стоя на берегу океана, понимаешь действительный масштаб своей личности. Это лечит и освобождает от лишних вопросов, одевает намордник на зубастую пасть твоего эго. Бродить по берегу, смотреть на валуны, белоснежные гривы волн или в ту точку, где океан сливается с небом.

Мэй посмотрела на меня, а затем, приоткрыв рот, оглядела океан.

- Расскажи мне о себе, – попросила она.
- Вряд ли это будет интересно.
- И все же.

Я улыбнулся.

– Долгое время я жил в Нью-Йорке, затем перебрался в Лос-Анджелес из-за проблем с отцом. Здесь меня взял на работу мой дядя, кем-то вроде помощника. И вот я очутился здесь, рядом с тобой, расследую убийство, подумать только...

– А чем ты занимался в Нью-Йорке?

– Да ничем, в общем-то. Я, конечно, учился в школе, занимался боксом. Не знаю даже... У меня и друзей-то толком нет, если честно. Я не помню, что я делал. Будто от моей жизни оттяпали кусок. Иногда мне так кажется, будто ничего не было, понимаешь? Что мое прошлое высохло, как лужа.

– Не слишком вяжется с образом детектива, так ведь? – спросил я.

Мэй пожала плечами и улыбнулась.

– Ты странный немного, какой-то старомодный.

– Как это, старомодный?

– Будто из старых фильмов, – ответила она и рассмеялась.

– Это наверное из-за моего дяди, он отбрасывает такую тень.

Луна была похожа на тыкву.

– Если мне придется умереть или что-нибудь вроде этого, знаешь, что я буду делать, Бадди? – И, не дождавшись ответа, сказала: – Буду бродить тут, буду бродить по побережью.

Ни говоря ни слова, Мэй обхватила руками мою поясницу и расплакалась, прижимаясь ко мне так сильно, словно хотела протиснуться сквозь ребра и остаться в моем сердце навсегда. Так и произошло.

– Почему ты плачешь, Мэй?

– Я не знаю, просто мне грустно. Давай останемся сегодня здесь, в Сан-Клемент.

Откуда-то доносилась негромкая мелодия. Ночь была очень тихой, и мелодия слышалась отчетливо.

Ночь выдалась теплая. Возвращаясь с пляжа, мы остановились на перекрестке и поцеловались прямо посреди дороги. Где-то недалеко от нас хлопнула дверь. Кто-то что-то крикнул. Койот жалобно завыл в горах, но вдруг умолк, а затем снова затянул свою тоскливую песню. Черные краснокрылые птицы шумно сорвались с ветвей и темной тучей заполнили небо. На миг они показались кровавым облаком, потом исчезли.

Вскоре мы вышли на покрытую гравием стоянку и сняли комнату на одной из вилл, с окнами, выходящими на небольшое, но уютное патио. Чайные столики и плетеные кресла. В клумбах цветы. Хозяйка, латиноамериканка, выдала нам ключи от одноместного номера с видом на океан. Он был на втором этаже, и мы поднялись по лестнице.

Я открыл дверь небольшим алюминиевым ключом. Казалось, он такой хрупкий, что повернется и останется обломанным внутри замка, но этого не случилось. Мэй вошла внутрь и остановилась у дверей, будто в нерешительности. Я обнял ее и поцеловал.

– Ты всегда будешь рядом, Бадди?

– Всегда.

С ее плечей упал пиджак, вниз, на ковер. Я положил кисти рук на плечи Мэй. Затем пальцами приподнял бретельки платья, и оно упало вниз, вслед за пиджаком. Мэй стояла не двигаясь. Лампу мы так и не включили. В лунном свете бледная кожа Мэй напоминала фарфор. Я смотрел на тело Мэй через ее плечо. При свете луны тело было совсем белым и казалось фарфоровым. Небольшие круглые груди с крохотными сосками, словно чашки из китайского сервиза. Мэй дрожала. Затем она повернулась, оплела свои руки вокруг моей шеи и поцеловала меня полным ожиданий поцелуем, впившись мне в губы. Когда я ласкал ее, она еле заметно вздрагивала, и по ее телу то и дело пробегал короткий спазм. С океана доносился шум волн и редкие голоса людей. И еще, кажется, крики сов и койотов. Мэй лежала на кровати, закрыв глаза и запрокинув голову, ноги ее дрожали. Я спустился ниже и снял с нее белье. Белые акку-

ратные трусики. Ее худые ноги обхватили мои бедра и сплелись за моей спиной в клинч, сильно прижав меня к ней. На ее теле не осталось ни одной родинки, которую бы я не поцеловал. Мэй была сильная дрожь, а губы и глаза были полны влаги. Я окунал лицо в волосы Мэй, вдыхал их аромат, перебирал пальцами. Их дивный аромат, похожий на запах жасмина, окунал мою душу в мечты. Их запах вбирал в себя весь город, весь мир вокруг, полный теплых муссонов и лазурной синевы неба. Я представлял себе места, где никогда не был и вряд ли успею побывать. Представлял Мэй рядом со мной, смеющуюся и счастливую.

Я встал рано утром, в начале шестого. На улице было тихо, лишь птички трели разносились далеко вокруг. Утренний свет уже пробивался, но патио было еще в тени. Я вылез из кровати и натянул на себя трусы, брюки и серую майку. Вышел на балкон. Было довольно прохладно.

По двору ходила женщина, та самая мексиканка. Она стояла в расшитом платье, похожем на халат, с заколотыми в пучок волосами. Увидев меня, она помахала мне рукой, приглашая спуститься. Я сошел вниз.

Рядом с ней стоял широкоплечий мексиканец, волосы у него были длинные и черные, как смоль. А усы по форме напоминали подкову. Одет он был в черную рубашку с коротким рукавом. Из под нее виднелась корявая тюремная татуировка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.